

Колдовские

Миры

ХОЗЯИН «ЛОГОВА»

АРДМИР МАРИ

Ардмир Мари
Хозяин «Логова»
Серия «Колдовские миры»
Серия «Хозяйка «Логова»», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65477062

А. Мари. Хозяин «Логова»: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-155097-4

Аннотация

С недавних пор жизнь тарийского рода Дори круто изменилась, а свод моих правил пополнился новыми пунктами.

Первый: принимая бразды правления над кровожадным семейством мужа, не стоит селить особо опасных представителей в родовое гнездо, обижать их любимчиков и наставлять на путь истинный безумных чистокровных. Чревато разрушениями в усадьбе и нескончаемой головной болью.

Второй: узнав о грозящей расправе, опасно отправлять несовершеннолетних Дори в далекий поход. Наказуемо разборками со старыми каргами, внебрачными отпрысками и расследованиями о многолетней травле.

Третий: если хранителем рода является отбывающий наказание демон Горный, а в реликвии семейства запечатан

голодный зверь, будь готова к борьбе за свободу и охоте в подземных чертогах.

И вроде бы ничего сложного в статусе главы рода нет, но и полезного для жизни тоже.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	75
Глава 5	89
Глава 6	104
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Ардмир Мари

Хозяин «Логова»

© Мари А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Глава 1

Дом спал, погруженный в темноту, в камине столовой завывал ветер, и в такт его гневному гласу дружно вздрагивали ставни, лестница и я. Неотвратимое желание сбежать куда подальше сжигало меня изнутри не меньше, чем желание убить «потеряшку» и освободиться от брачных пут. На воздух, на улицу, в мороз, снег, в холод, – куда угодно и куда подальше от ужаса, охватившего меня с последними словами му-ж-жа... Безысходность, беспросветность и неспособность что-либо изменить.

Чтоб тебя!

Я споткнулась об угол дровницы, что притаилась в снегу, и рухнула на колени, не зная, то ли расхохотаться, то ли расплакаться. Я мечтала об освобождении от прошлого – и тариец мне его дал, я грезила спокойствием – и он принес мир на нашу заставу, надеялась в будущем завести семью – теперь она у меня есть... вместе с родом. Размышляла о ремонте в «Логове» – теперь же придется делать полную реконструкцию. Все хорошо, все просто замечательно. Но я и подумать не могла, сколь дорого за это заплачу. Бесправная раба при живом-здоровом муже, не думающем куда-либо уходить, повторно исчезать или хотя бы жить далеко-далеко в Тарийской столице.

Громкий всхлип и придушенное «хи-хи» вырвались про-

тив воли. Я должна быть счастлива, радоваться должна, а я... Очередной всхлип и истеричное «хи-хи» тонут в скрипе снега и звуке быстрых шагов, что приближались ко мне.

– Что за напасть с этой бабой... Торика, – раздраженный голос, тяжелый вздох и крепкие руки, поднявшие меня на ноги, – прекрати убиваться. Ничего страшного не произошло!

Инваго рассержен и почти злится, когда я пытаюсь вырваться из его рук с громким «ха-ха». Всклипывать уже не получается, слезы катятся по щекам, а сама я задыхаюсь от хохота над собой. Над своими планами, мыслями, идеями и наивными представлениями, как я договорюсь с мужем, хоть и тарийцем, но благородным «потеряшкой». Получу его согласие на раздельное проживание, уважение и невмешательство в мое существование и, может быть, когда ситуация с родом Дори прояснится, через год или два, решусь на ребенка.

– Тора! К чему сейчас эта сцена? – чуть ли не рычит этот самый несбыточный «муж», прижимая меня к себе. – Я же обещал, что не брошу. Обещал, что защищу!

– От кого? – всхлипываю я, отсмеявшись, и он резко разворачивает меня лицом к себе.

– От всех, – произносит как клятву и смотрит, не отводя синих глаз.

– И от се-себя? – Всклип обрывает на полуслове, но я все же договариваю: – От себя тоже сумеешь? Убережешь...

– Так вот в чем дело, – выдыхает он, руками скользит с плеч за спину и притягивает меня ближе к себе. – Ты только поэтому расстроена?

– Не только! – Грубо стираю слезы со щек и упираюсь ладонями в перебинтованную грудь воина, хотя мне просто невыносимо хочется его ударить. – Ты лгал... мне. Ты...

– Пошел на хитрость. – Инваго посмел ухмыльнуться.

– Лгал...

– Юлил.

– Врал в лицо и еще...

– Пошли спать, – предложил он неожиданно и с зевком. – Я так устал за прошедшие сутки. Вымотался. Сил лишился в процессе восстановления.

– Инва... Талл! Не переводи тему. И за прошедшую ночь ты дважды должен был выспаться.

– И трижды издохнуть, – хмыкнул он. И тут же нахмурился, напоминая, кто есть кто и у кого я нынче в супругах: – Не называй меня первым именем, для тебя я Инваго, был, есть и буду.

И снова, как ножом по сердцу, и душу сковывает старый страх плененной рабы.

– Катись к Адо вместе со своим «буду», я тебе не жена! И не собираюсь слушаться, а тем более спать... – Он сжал меня до хруста, оборвав на полуслове, лишив возможности вздохнуть или хоть что-то еще сказать.

Его глаза наполнились огнем, челюсти сжались, и желваки

заиграли на щеках.

– Ты, видимо, решила, что я рад этому браку. Жду не дождусь возможности попасть с тобой в одну кровать и если не изнасиловать, то хорошенько поглумиться. Так вот, Тора, поверь, – Инваго сжал меня еще сильнее, – я зол не меньше. И меня совсем не радует необходимость с тобою спать.

Это было сродни пощечине, более отрезвляющей, чем унижающей, а потому я вполне спокойно встретила следующую грубость.

– Тем более плодить наследников от вдовийки, которую с удовольствием пользовал другой. Особенно если учитывать, что выбор был сделан не мной... – Теперь становятся понятны слова демона о том, что кто-то кому-то подходит, тихо хмыкнула про себя и вдруг услышала невероятное: – И окончательное решение с браком было принято без моего на то согласия.

– Не поняла, – произношу четко и уверенно, истерика отступила, появилась холодная злость. Пусть только попытается в чем-то обвинить меня!

– По глупости, по нелепой случайности, – прошипел Дори и жестко припечатал: – Когда ты напоила хранителя! Так что позволь заверить – мы в одной супружеской лодке не только по моей вине. И тонуть, как и плыть, будем вместе. – Долгая пауза, а затем очередная неожиданность: – Осталось решить, в какую сторону грести. Или ты предпочитаешь кружить на месте?

Я все еще стою в его тисках-объятиях, смотрю снизу вверх в прищуренные синие глаза, злюсь и мрачно гадаю, что, вопреки здравому смыслу, я все же решусь и убью этого...

– Даже не думай, – определил он ход моих мыслей, – и не мечтай поджечь меня, как своего первого. Я не горю, на куски не рублюсь и легко переносу яды.

– Ты, наверное, еще и не тонешь?

– Тора! – едва различимое шипение.

– Это не намек, простое предположение. Я же не знаю всех твоих способностей. Вдруг ты не идешь топориком на дно, а всплываешь как...

– Спать! – приказал воин, прикоснувшись к моему лицу, и я проваливаюсь в зыбкие оковы сна под тяжелый выдох: – Дал бог на мою голову и не кается...

Проспав весь световой день, я очнулась лишь в сумерках вечера, когда по харчевне то и дело проносился горлающий ураган под названием Тим-Зои, или Зои-Тим. Они опять что-то не поделили и спорили до хрипоты.

– Что случилось? – Мой вопрос потонул в восторженном «Проснулась!», а сама я чуть не оказалась погребена под счастливыми детьми. – Тихо-тихо, – погладила братца, обнимающего меня за талию, и крепче прижала к себе повисшую на шее демоницу. – Вы чего расшумелись?

– Ты не просыпалась!

– А обряд возврата уже начался... – ответили они в один голос, и я отстранила от себя детей.

– Как начался? Его назначили на завтра.

– Уже завтра, – обрадовали они меня и огорошили: – Хран не отзывается.

– Он обещал вернуться за тобой, но его уж час как нет... – Зои всхлипнула. – Я боюсь! А вдруг что-то случилось? Если так, нам нужно немедленно отправиться следом...

Вот тут над нами раздался недовольный голос демона, который со скрытым сарказмом сообщил:

– Меня нет всего полчаса... – Зои поначалу обрадовалась, а затем сжалась и сникла, услышав: – Это во-первых. А во-вторых, если я сказал, что тебя с собой не возьму, значит, тебе там делать нечего. И не стоит играть на чужих чувствах, чтобы в столицу Тарии попасть.

– Хран! – попыталась я заступиться за малышку, но вредный демоняка уже закусил удила и, объявившись рядом с нами, строго произнес:

– Не смей покидать «Логово» без сопровождения никогда!

– Да я только... – всхлипнула кроха, и Тимка взял ее за ручку, крепко сжал, со злобой взирая на Горного.

– Ты меня слышала, Зои?

– Да, – прошептала она, и, кажется, не у одной меня возникло острое желание стукнуть демона чем-нибудь тяжелым.

– Хорошо, теперь можешь идти.

Но она не сдвинулась с места, подняла блестящие от слез

глазенки и заявила:

– Я тебя ненавижу!

– Я тоже тебя люблю, – не проникся Горный и предотвратил возмущение простой, но действенной фразой: – Еще слово – и ты лишишься каникул.

Зои промолчала, но, шагнув вперед, крепко стукнула ополовиненного демона по невидимому колену. Кивнула мне и с высоко поднятой головой удалилась, уводя за собой ошарашенного Тимку. Они скрылись из виду, и только после этого я позволила себе стукнуть хранителя по голове. Немного не рассчитала, и канделябр застрял в витых рогах демона, однако это нисколько не остудило моего пыла.

– Тора! – возмутился он, хватаясь за новый головной убор.

– Заткнись! Уму непостижимо, как она еще не разругалась с тобой в пух и прах. Ты! Самый черствый, непрошибаемый и недалёковидный дурень из всех, кого я знала! Как можно было ей такое говорить? Как можно было угрожать? Она искренне за тебя переживала!

– Можно и нужно, – не согласился он. – Мне достаточно одной самоотверженной ду... – Я потянулась к канделябру в его руках, чтобы повторно стукнуть рогатого, но металлическое изделие растаяло, как дым, демон же вскинул бровь, холодно заметив: – Я не о тебе, хоть у вас и много общего.

– А я не за себя, а за отсутствующих. Раз уж у нас много общего...

– Вообще-то тебе уже нужно быть на обряде в гнезде рода

Дори. Приведи себя в порядок, и переместимся.

– Тебе тоже, но разговора это не отменяет. – Я ушла в ванную и уже оттуда спросила: – Почему ты так давишь на Зои?

– Потому что боюсь, что она вся в мать... Хотя лучше, чтобы в мать, а не в отца.

– А кто за папу?

– Водный демон.

– И что плохого в демоне? – причесываясь, выглянула из-за двери.

– В самой принадлежности к демонам ничего плохого нет, но водные отличаются крайней степенью благородства, переходящего в идиотизм. Суди сама, моя сестра спасла ему жизнь, и он решил с ней этой самой жизнью расплатиться – подался, идиот, в личные стражи. А это положение хуже сарга на цепи – без разрешения хозяйки ни есть, ни пить, ни спать нельзя, не говоря уже о браке и продолжении рода. Но, как ты понимаешь, с последним они и без брака справились, в результате появилась Зои, затем Дарион, Дирг, Уггро. По законам подземного мира все они внебрачные и носят фамилию матери, а по существу...

– Так это же здорово, – я улыбнулась, – у тебя большая семья.

– Да. Но в ней уже есть я – заключенный, зять – бесправный, Динка – мать-одиночка, четверо незаконнорожденных племянников, старший брат – отшельник, его жена – сума-

сшедшая тетка, несколько дядьев, повернутых на страсти, и почти нормальные бабушка с дедушкой.

– А родители? У тебя же есть родители. Зои упоминала...

– Зои говорила о моих бабушке и дедушке, своих она не видела. Потому что они еще до ее рождения отбыли в мир иной.

– Мне так жаль... – Я в надежде приободрить мягко сжала его руку.

– Тора, они не умерли, а как и дядья, предаются там страстям. И я очень рад, что Зои не взяла ничего от них, но обеспокоен, что в ней крови водного больше, чем в пацанах...

– Все с ней будет хорошо. Зои умный и рассудительный ребенок. – Я отправилась в гардеробную, чтобы одеться. Уже в процессе натягивания очередных любимых штанов и плотного жилета спросила: – Так ты считаешь, что я и твоя сестра чем-то схожи?

– Да, а Инваго очень похож на водного.

– В смысле идиот?

– В смысле благородный, – поправил демон мое предположение и возмутился, не дав и слова сказать по старой теме: – Ты опять в штанах?! – Секундное замешательство и веское: – Ладно, на тебе по ходу дела все равно ничего целого не останется.

– Что? – прошептала я, инстинктивно стянув рубашку на груди, а в следующий миг уже стояла в знакомой лодке, стремительно утягивающей меня в глубины огненного моря. Ми-

нуты жарких объятий лавы, и вот мы в каменном мешке круглого зала, пустого и темного. Но стоило мне это отметить, как послышались торопливые шаги и в свете сияющих рогов демона рядом с нами появились мой лжедеверь, наглая сволочь и муж.

– Дорогая, как я рад!.. – начал он и приблизился вплотную с явным намерением обнять, но я оборвала его приветствие строгим:

– Руки! Губы...

– Как скажешь, – хмыкнул Инваго и лизнул мою щеку. – Хорошо спалось?

Захотелось выдать что-нибудь гадкое, совсем не собственное мне, но тут, как волной, накатило разочарование, а вслед за ним и обреченность. Ведь с нетривиальной нахальностью этого тарийца мне придется не только мириться, но и жить. И если он сейчас такой, то что же будет потом?

В поисках уверенности потянулась к кинжалу, чтобы просто накрыть эфес рукой.

– Только попробуй, – выдохнул воин, едва заметив мое движение.

– Идиоты, – буркнул Хран.

Одним смазанным движением он поцеловал меня в щеку, попутно разоружил, а затем моим кинжалом ткнул Инваго в бок. Удивленные, мы воззрились на демона. Я промолчала, Дори сухо спросил:

– Это что только что было?

– Обмен супружескими приветствиями в соответствии с вашими пожеланиями. Ей поцелуй, тебе кинжал под дых, – хмыкнул Горный и улыбнулся. – Или я что-то неправильно понял? Да, нет?! – спросил он и, не давая нам ответить, постановил: – Ладно, возможно, перепутал. Давайте раздам все наоборот...

И я, и Дори мгновенно шарахнулись в стороны, чем вызвали безудержный демонический хохот и вторящее ему громкое эхо где-то в пещерных переходах.

– Не хотите получить, что раздали? Ай-ай-ай! – Веселящийся Хран украдкой вытер глаза и потребовал: – Значит, и не раздавайте больше ничего. А теперь слушай мою команду. Сейчас мы пройдем в залу обрядов, где ты, Тора, будешь стоять у столба и корчить из себя святую...

– В смысле?

– Стоишь и мучаешься. А ты, Инваго, степенно ждешь сигнала.

– Какого? – вновь спросила я и получила два укоряющих взгляда. – Что, и спросить нельзя?

– Спросить можно, спать до полудня нельзя, – буркнул воин, стягивая с себя куртку и рубашку.

– И кто в этом виноват?

– Да уж не я.

– Стоп! – оборвал нас Хран. – Все споры отложите на потом, сейчас главное...

Протяжный звук горна, пришедший откуда-то из глубин-

ны подземных переходов, перебил демона на полуслове и заставил поторопиться. Так поторопиться, что вместо внятных объяснений я услышала только короткую версию плана, и то на бегу. Согласно плану в зале обрядов меня должны раздеть, приковать к столбу, дабы не сбежала, затем окунуть в ледяные воды колодца. В мои обязанности входило молчать и слушаться беспрекословно. Последнее предупреждение Горный повторил дважды, видимо, чтобы я воспользовалась советом уже сейчас. Для Инваго инструктаж был еще более коротким, чем мой, и прямо говорил о том, что они уже давным-давно все обсудили.

– Если маг попытается убить Тору до процесса, действуем по первому плану, после процесса – действуем по второму...

– А если во время отречения? – поинтересовался тариец, когда впереди появилось слабое свечение и первые факелы, освещающие проход.

– Тогда разработаем третий. – Хран уже обернулся тростиночкой и теперь громко цокал каблуками сапожек, вздыхал и дергал себя за прядку волос, выбившуюся из косы. – По правде сказать, третьего варианта я опасюсь больше всего...

– Почему? – не удержалась я от вопроса и до крови прикусила губу, когда перед нами объявился проклятый искусник мрака.

– Вы долго.

Пусть маг и был скрыт плащом с глубоким капюшоном, его пробирающий морозом голос я узнаю всегда. Нас при-

ветствовал сам Мэног.

– Ах, это все я виновата, не могла выбрать наряд, – пролепетала тростиночка, смущенно улыбнувшись.

Маг не обратил на нее внимания, шагнул ко мне.

– Торики Эл... – произнес он с интонацией, коей после каждого побега приветствовал меня. Зачастую связанная, с кляпом во рту, я могла лишь мычать, проклиная его и уроды Уроса, сегодня же с улыбкой поправила:

– ЭлЛорвил Дори.

Он принял мои слова с холодным кивком и снисходительно заметил:

– Судьба все же привела тебя в столицу. Так стоило ли рваться на свободу?

– Как видите, я вернулась без пут и кандалов.

Наверное, демонстрировать руки не стоило. Маг уцепился взглядом за перстень и зло прищурился.

– Что ж, в таком случае я просто обязан поздравить тебя с возвращением.

– Я вас тоже, – он едва заметно вздернул бровь и получил презрительное: – возвращенец.

Ни Хран, ни невидимый Дори не вмешивались в наш диалог, но оба с неуловимой синхронностью прикоснулись к моим плечам, когда проклятый искусник мрака шагнул ближе и сбросил с головы капюшон.

– Твоими молитвами... – произнес он, и я поперхнулась ответом, что едва не сорвался вскриком с моих губ.

Вплоть до последней своей смерти урод Урос умирал молодым и восставал молодым. Гилт, Асд и сам Инваго вернулись такими же, как были раньше. Но стоящий предо мною маг был живым трупом, усохшим до состояния мумии. Он оценил мой ужас и оскалился, как зверь, очерив покрывшиеся трещинами зубы.

– Свободной ты вернулась или нет, все вскоре завершится! – бросил презрительно и, скрыв лицо в тени капюшона, приказал идти за собой.

И я бы пошла, вот только мысль, что сильнейший маг уже не отбирает силу у людей, а сам питает Уроса, заставила усмехнуться.

– Завершится?! И это говорит палач, сам ставший жертвой? Мэног, вам ли не знать, что это только начало. – Сбросив руки защитников со своих плеч, я обошла остолбеневшего искусника мрака и, удивляясь собственной смелости, заглянула в его глаза. – Когда захотите свободы, без стеснения обращайтесь ко мне.

Он дрогнул. Вспомнил, как в Гьязе сам произносил эту фразу, грозно рыкнул, явно желая прервать мою жизнь здесь и сейчас. Но нежная ладошка тростиночки, что прикоснулась к локтю иссохшего мертвеца, не позволила ему сдвинуться с места.

– Вы, кажется, говорили о скоротечности времени. Так давайте поспешим.

– Пр-р-ошу, – рвано ответил маг, указав в направлении

прохода. — Дамы вперед.

— Благодарю. — Меня подхватили под локоток и повели, тихо выговаривая: — Ай-ай-ай, тебя же просили молчать и слушаться.

— Она поступила верно, — поддержал меня Инваго и с неизвестным мне намеком упрекнул: — Если бы кое-кто следовал собственному совету, всего этого не произошло бы. Вообще всего.

— Если бы не произошло всего этого, — сделала значительную паузу тростиночка, — ты бы не встретил ее. — Красноречивый взгляд на меня и ехидное: — Скажи спасибо.

— Спасибо, — процедил воин, и на этой позитивной ноте мы вышли в зал обрядов.

По форме он представлял собой перевернутый конус, по стенам которого спускалась широкая каменная лестница без перил. Внизу, на приличной глубине, блестела темная поверхность воды, над ней возвышался столб. Судя по всему, именно к нему меня привяжут, помучают и, надеюсь, отпустят, а не утопят. Хотя в последнем не уверена, здесь слишком много народа, пришедшего поглазеть. Тарийцы стоят вдоль стен перед спуском, некоторые вольготно расположились на ступенях, и все ждут. Уж не казни ли?

Я чувствую, как их взгляды скользят по мне, словно сотня оголодавших насекомых. Задерживаются на каждом изгибе тела, каждой детали одежды, кто-то смотрит на лицо, кто-то на жилет, кто-то на грудь, но основная масса присутству-

ющих с мрачным видом взирает на мою правую руку и блестящую на ней реликвию рода.

– Ты смотри, все родственнички заявили, – хмыкнула тростиночка, обращаясь к Инваго, плавным движением откинув косу на спину. – Сразу видно, все хотят познакомиться с твоей супругой.

– А кое-кто – возобновить дружеские отношения, – тариец скрипнул зубами, – здесь Урос.

Хран, забыв об образе черноглазой красавицы, прошипел что-то нечленораздельное демоническое, плюнул под ноги и неожиданно сообщил невидимому воину:

– Отыграешь обе роли.

– А ты?

– Сам знаешь, рядом с этим... я находиться не могу. Меняемся на счет раз, два, три...

Факелы полыхнули, отвлекая толпу от меня и хранителя рода, шедший сзади Мэнгог неожиданно споткнулся, тростиночка мигнула, и вот уже знакомое уверенное прикосновение скользит от моего локтя вниз, обхватывает ладошку, сжимает пальцы.

Одновременно с этим я слышу шепот Горного:

– Торики, что бы ни случилось, слушайся мужа и не бойся ничего. Вы справитесь!

Едва заметное движение воздуха ознаменовало его уход.

– Мне хоть кто-то что-то объяснит?

– Позже, – ответила подмененная красавица и повела ме-

ня мимо родственников вниз по лестнице к самой воде. А после со словами «Не бойся, просто иди», ступила на дрожащую волнами поверхность и потянула меня за собой. Шаг, еще шаг... Запоздало понимаю, что вода меня не держит от слова совсем, это что-то холодное и живое подставляет опору под мои ступни.

– Ин... – начинаю я тихо и, тут же поджимаю губы, обругав себя последними словами.

– Интересное место, согласен... сна, – кивает головой тростиночка, не сводящая с меня черного взгляда, прямо говорящего «молчи». Его предупреждения хватило на то, чтобы я без содрогания прошла к столбу, прослушала монотонную речь Мэнога, вещавшего откуда-то сверху, и бездумно подчинилась всему, что требовалось. Ощущение надвигающихся неприятностей накрыло с головой, когда тонкие девичьи пальцы освободили меня от жилета, до середины расстегнули рубашку и чисто мужским прикосновением через сорочку коснулись груди.

– Ин... да чтоб тебя! – Я дернулась и в очередной раз чуть не назвала негодяя по имени. – Ты что делаешь?

– Раздеваю будущую мученицу.

– Ты ее лапаешь! – прошипела сквозь зубы, перехватила тонкие запястья, но от себя отодвинуть их не смогла. – Убери руки, я сама...

– Нельзя. Сама руки убери. – Подмененная тростиночка легко освободилась от моего захвата, назидательно прошеп-

тала: – Была бы ты, как положено, в белом, тебя бы никто не трогал, а так... стой и терпи.

– Но... – хотела сказать, что Горный ни о чем меня не предупредил, а затем неожиданно вспомнила наш с Дори обряд. – Ты что, мстишь за шутку в храме, перед алтарем?

– И молчи, – посоветовали мне. «Хранитель рода» стянула с меня рубашку, принялась расстегивать мои штаны. А когда я в очередной раз дернулась, прошипела: – Просто доверься. Разве я не заслужил-ла?

– Как сказать... Последствия моего прошлого доверия еще долго придется разгребать и восстанавливать как в «Логове», так и вокруг него.

– Все устроится. У тебя есть я.

– Да-да, ты и твоя многочисленная родня.

– Забудь. В нашей лодке плыть или тонуть будем только ты и я... – Черноглазая красотка поймала мой взгляд и многозначительно ухмыльнулась: – Хотя сейчас я готов-ва полетать.

– А я – по рукам надавать! – Ощущение горячих пальцев на голой коже вызывало протест. С одной стороны, под образом красотки пусть и законный муж, но малознакомый мужчина, с другой – мои бедра уверенно и нагло оглаживают тонкие женские пальцы.

– Обязательно дашь, и не только по рукам. – На этом с меня сняли домашние тапочки и стянули штаны. – Обряд проходит быстро и состоит из пяти этапов. Бормотание, которое

ты уже слышала, раздевание и подготовка, которые мы уже завершили. Далее маг нарисует на тебе руны отречения, вода поднимется и схлынет. Во время подъема будет жарко, но не больно, поэтому тебе придется немного покричать.

– Что кричать? – спросила с дрожью в голосе.

Тонкая сорочка и простенькое белье из моих запасов было слабым прикрытием от голодного мужского взгляда и еще куда более слабым от холода, но ни сырость в зале обрядов, ни прохладу от воды я в эти мгновения не ощущала. Прикосновение спины к каменному столбу, как и закрепление запястий в широких стальных оковах прошли мимо моего сознания, куда больше меня занимал жар, что медленно растекался по коже.

– Что угодно, и кричать, и орать... – мне подмигнули и предложили, понизив голос: – А хочешь, стони. Я не против, особенно сейчас.

– Это понятно, – медленно кивнула и тихо задала тревожащий вопрос: – А что делать, если мне уже жарко?

– Уже?! Слишком рано...

Я успела заметить удивление Инваго, проступившее сквозь черты лица тростиночки, и поняла, что их с демоном планы только что улетели в направлении чертогов. И оскал спустившегося к нам мумифицировавшегося мага это еще раз подтвердил.

– Позвольте, я приступлю к своим обязанностям, – процедил Мэног, отодвинув лжетростиночку от меня.

– Торика...

– С ней все хорошо.

Мэног не дал мне ответить, да и сказать я ничего не смогла. Жар становился все сильнее, дыхание судорожнее. Сквозь проступившие на глазах слезы я не видела, как хранитель рода отступил и растворился в воздухе, но ощутила весь ужас своего положения, когда проклятый искусник мрака произнес:

– Слабый дух ведьмы ничто в сравнении со мной, не надейся, никто тебе не поможет.

Никто?

Сквозь жар я почувствовала, как тонкая кисть коснулась моей кожи, рисуя руны на руках и груди, оставляя мокрые линии и капли потеков, вот только вместо временного успокоения от прохлады ритуальной краски пришла огненная боль. Тонкими иглами она проколола кожу, проникая до костей, дробя их в мелкую крошку.

– А-а-а...

Это был единственный сорвавшийся с моих губ звук, судорожный вздох перед выворачивающим душу криком. В агонии вынулась дугой, захлебнулась слезами, но не смогла даже замыкать. Все, что мне дано, – это мысленно просить о помощи, иступленно звать Горного, Инваго, Сато Суо и не слышать ответа.

И в этот самый миг Мэног, чтоб его разорвало и разбросало на все четыре стороны, решил сказать пару слов:

– Мне жаль тебя. – Его голос бесстрастен, в нем нет и намека на сожаление. – Столько бороться, чтобы умереть сейчас – великая издевка богов. Хозяину следовало взять из Гъязы ребенка. Маленького человечка, а лучше младенца. Но он выбрал тебя... заигрался. И ошибся. Как и ты ошиблась...

– Мракобесье! – неожиданно услышала я голос Дори. – Когда эта мразь уйдет?

Я оглянулась, но не увидела его, и мелькнувшая было надежда погасла в очередной вспышке боли.

– Слышишь, Тора? – Маг схватил меня за подбородок, сжал, не позволяя отвернуться. – Ты ошиблась. Меня следовало отпустить, а затем уже убивать.

– Да я сам тебя прикончу, только уйди от нее! – в очередной раз померещился мне голос тарийца.

И я бы спросила, здесь ли он, но... могла лишь безмолвно стогать в огне собственно жара, чувствуя, как крошка костей превращается в раскаленный песок, а кровь – в лаву.

– Я был достоин свободной смерти, – хладнокровно произнес Мэног, заглянув в мои глаза. – Я и сейчас достоин... но мне уже никто не даст уйти с честью.

– Я дам! – рявкнул в моем воображении разъяренный тариец. – Мракобесье! Хран, да отвлеки ты его!

– Чем? – недоуменно спросил демон. – На таком расстоянии я могу лишь бездумно сотрясать землю.

– Так чего ты медлишь?!

– В своде зала трещина, мы погребем всю твою родню.

Это был прекрасный диалог, короткий, насыщенный, созданный моим воображением, чтобы я хоть на миг не чувствовала себя брошенной. Вот только присутствующий здесь же проклятый искусник мрака не желал давать мне даже искорку надежды.

– Никто не придет, однако я готов облегчить твои страдания. – Он сорвал с моего пальца реликвию рода Дори, отбросил ее и отступил. – Прощай.

Внутренний жар тут же угас, ко мне неожиданно вернулся голос, но едва мой протяжный всхлип прокатился по залу обрядов, черная вода колодца начала свой подъем. И, вопреки словам Инваго, мне стало значительно жарче, чем прежде. Мне не пришлось наигранно орать и извиваться. Оглашая стены колодца протяжным криком, я забилась в оковах, срывая голос и сдирая запястья в кровь. Вода всколыхнулась, вспенилась, ускоряя свой подъем, и последнее, что я увидела, прежде чем захлебнуться, было нечто огромное, огненное, стремительно поднимающееся из черной бездны.

Глава 2

Я проснулась днем, в комнате с незнакомым потолком. Улыбнулась, вспомнив, как Гаммира определяла, в какой она спальне, и тут же поморщилась, чувствуя себя намного хуже, чем после бракосочетания с «потеряшкой». Боль не приходила волнами, она проснулась вместе со мной и, выпустив когти, вцепилась в мое несчастное тело. Слезы моментально проступили на глазах, с губ сорвался стон, а в следующий миг в спальню с грохотом ворвался Инваго... или, вернее сказать, старик.

С длинными седыми космами, морщинистой, даже отслаивающейся кожей и молодым взглядом. Искры в глубине ясных синих глаз совершенно не вязались с шаркающей походкой, подрагивающими руками и сгорбленной спиной.

– Что случилось? – прокаркала я, когда он поднес стакан воды к моим губам и прохрипел:

– пей. До дна. Не спорь... И не тяни руки. пей.

Временно отложила вопросы и подчинилась. Первый глоток позволил свободнее вздохнуть, второй расслабил мышцы шеи и плеч, третий принес свободу рукам, четвертый снял оковы с ног, пятый дал спокойствие и легкость, что наполнила меня до краев.

– Как ты? – спросил Инваго, глядя на меня с умилением, как на любимую кровиночку-внучку.

– Лучше.

– Не спеши с оценкой, прочувствуй всю себя, – посоветовал он, сверкнув абсолютно целыми, отнюдь не стариковскими зубами.

– Да все хорошо.

Поводив головой из стороны в сторону, подняла руку, чтобы убрать упавший на лоб тяжелый локон, и окаменела. Локон был белый, а рука старушечья. Фаланги пальцев утолщенные, вместо ногтей желтые и кривые когти, кожа серая в струпьях, а кисть и запястье перечеркнуты вспухшими венами.

– Что? – Касаясь лица и с ужасом ощущая твердую корку старой морщинистой кожи, я запаниковала. – Что... произошло? Скажи мне... Пожалуйста! Я утонула, меня сожгли... Я – возвращенец?

– Нет.

– Тогда что?.. – Голос стих до шепота, и тариец крепко сжал мою руку в своей. Плохой признак, очень плохой, я уже знаю, что это проявление заботы все в семействе Дори придерживают на самый страшный случай.

– Произошло то, чего ожидать мы никак не могли. – Он посмотрел в мои глаза и укорил: – Ты уснула.

– Я? – Это уже не хрип, а слезливый сип, что прорывается сквозь перехваченное растерянностью горло.

– На четырнадцать лет. – Его голос тоже сел, а плечи дрогнули.

– Как?

Не верилось, но вид моих рук и состарившегося Инваго говорил сам за себя.

– Не знаю. И поверь, я ждал тебя, как мог, а затем...

– Что? Что ты сделал? – Мои губы дрожали, из глаз вот-вот польются слезы, а в сердце уже зрело предчувствие: бояться нужно того, чего он не сделал. – Ты что, за все эти годы не отстроил «Логово», не дал Тимке пройти высшую военную академию, не позволил Торопу жениться по любви?

– Нет. Я поддался соблазну, – ухмыльнулся он и протянул мне руку. – Так что вставай, идем знакомиться с детьми!

– Ка-ка-кими детьми?

– Нашими. Приехали специально, чтоб показать нам внуков! – улыбнулся тариец. – Тора, ты так вовремя проснулась...

И пока я силилась понять его слова и принять свою новую жизнь, неумолкающий Инваго с шутками и прибаутками отбросил простыню, поднял меня на руки и вынес в ванную, чтобы с головой погрузить в ледяную красную воду. Холод я не сразу почувствовала, а едва вынырнула на поверхность, поймала этого му-ж-жа за ухо и задала первый пришедший в голову вопрос:

– Дори... Бестолочь тарийская, ты как детей воспитывал?

– Да нормально, – ответил он растерянно. Секунду спустя с улыбкой разжал мои пальцы, погладил ладонь и заверил: – Все в лучших традициях.

– Это в каких же традициях, если они в неполные тринадцать лет уже внуками обзавелись?!

– Н-да, неувязочка вышла, – хмыкнул Инваго, быстрым поцелуем прижался к моим губам и прошептал: – А ведь почти поверила... Ладно, в следующий раз я придумаю более правдоподобную историю.

Придумает? Я оторопела повторно, только в этот раз уже от неприятного чувства – надо мной издеваются. И действительно, стоит, подлец, с сосульками вместо волос, мелко трясется от сдерживаемого смеха, а глаза горят.

– Дори!

– Уже ухожу, отдыхай! – ответил он с хохотом и растворился в воздухе, оставив меня с десятком вопросов и неумным желанием побить мерзавца.

Вот тут-то я и ощутила холод воды, стуча зубами, выбралась из ванны, потянулась за полотенцем, да так и замерла, зацепившись взглядом за свое отражение в зеркале. Мокрая, дрожащая, красная и молодая. Не веря, коснулась посеребренной поверхности рукой, я затем уже посмотрела на собственное тело. Ноги, руки, живот, грудь, чуть просвечивающая сквозь рубашку, белье. Я была собой, а не иссохшей старухой с распущенными детьми и малолетними внуками. Сердце забилось с удвоенной силой, улыбка расцвела на лице:

– Инваго, ты у меня еще попляшешь! Дай только тебя най-ти...

– Тора?! – В спальне раздался голос тростиночки, а уже через мгновение я оказалась в объятиях счастливого ополовиненного демона. – Торики, радость наша! Ты очнулась... какое счастье!

– Очнулась, – подтвердила я. – И готова поквитаться. Где Инваго?

– Наконец-то спит, – радостно сообщил мне Хран, чмокнул в макушку и отступил. – Я никак не мог отогнать его от твоей постели. Четыре дня, дурак, сидел как на иголках и никого к тебе не подпускал. Даже воск смыть не позволил ни с себя, ни с тебя, а ведь ожоги давно прошли...

– То есть прошли дни, а не годы. Уже радуется, но... Какие ожоги? – прошептала едва слышно. – Погоди, что?

– Хотя после слов Торопа о завесе воспоминаний я тоже стал переживать о твоём душевном состоянии...

– Что? Что ты хочешь сказать? – перебила я Горного, останавливая бурный поток его словоизлияний.

– Я хочу сказать, что будить Инваго не стоит. Ты только очнулась, а он только уснул. Идиот... – Хран осмотрел меня с ног до головы, улыбнулся. – Я рад, что ты догадалась сразу окунуться в отвар из лилий, но этот красный налет тоже нужно смыть. Ты ведь не хочешь завтра проснуться лысой.

– Да чтоб вас!

Я сдирала с кожи новый окрас под струями горячей воды и думала о том, что число моих вопросов к демону и хм... мужу значительно возросло. Начиная с обряда, закан-

чивая невозможностью мне помочь. И если Инваго не мог вмешаться, играя роль хранителя рода, ведьмы с малым запасом сил, то сам Хран Горный невесть с чего вдруг сбежал. И это не первый раз, когда он пасует перед уродом Уросом, а затем просит меня ни о чем не спрашивать. Надеюсь, хоть в этот раз он сообразоволит объясниться.

Перекрыв кран душа, в очередной раз подумала, что хочу иметь в «Логове» центральное отопление с котлом и водопровод под напором. А еще вот такие коврики на полу, вот такие жаровни для получения пара и закрытые шкафчики для банных мелочей. Стерев с себя лишнюю влагу, я накинула длинный халат и вышла в спальню. Постель уже сменили, на столике у окна стояла плошка с супом и странного вида салат, на стуле покоилась стопка одежды. Судя по цвету и фасону, это был один из нарядов в прибрежном стиле. Две юбки, жилет, жакет, рубашка... нет!

Сковывать себя тканями мне сейчас вовсе не хотелось, есть почему-то тоже. Я прошлась по комнате, рассматривая дорогую мебель, ткани, а попутно еще и помещения за дверьми, коих в моих апартаментах было целых четыре. За первой скрывалась ванная комната, за второй гардероб, третья вела в уже знакомый коридор, а четвертая – в смежную комнату. Вернее, в спальню, где на широком ложе без зазрения совести спал старик. Инваго.

С кривой усмешкой посмотрела на его черты лица. Даже в «старости» негодяй оставался привлекательным. Вспомни-

ла, как Хран защищал сон нового главы рода, как этот самый глава безбожно врал о детях и внуках, и щемящее чувство сожаления сдавило горло. Я хотела семью, но не такую сумасшедшую.

– Ну и сволочь же ты, – просипела тихо.

– Я тоже по тебе скучал, – ответил Инваго, перевернулся на другой бок, медленно выдохнул и засопел.

– Тора! – Хран в образе тростиночки аккуратно отодвинул меня в сторону и закрыл дверь. – Я же просил, не буди.

– А я и не будила.

– Ты не понимаешь. – Меня отвели к кровати и усадили. Столик с едой тут же поставили ближе, вручили ложку и плоску подвинули. – Любой вздох, шорох, тем более звук твоего голоса – Инваго реагирует на них, как охотничий пес, а может, и лучше. Это он за тобой неустанно следил все эти дни и за руку держал.

– Искал реликвию рода под слоем воска, – хмыкнула я.

– Пульс нащупывал, – качнула головой черноглазая красавица. Пристально посмотрела на меня и невесело сообщила: – Я и сам думал, что ты не выкарабкаешься. На всякий случай составил список твоих желаний.

Любопытство не порок, в ожидании интересной истории я потянулась к еде.

– Какой список?

– Самый полный. Из твоей тетради с учетами, на предпоследней страничке который.

Ложка с супом, не донесенная до рта, так и зависла в воздухе.

– Ты рылся в моем дневнике?!

– Не кричи!

По щелчку тонких пальцев все двери в спальню закрылись на щеколду, а надо мною с хранителем рода опустился магический полог с едва заметными красными вспышками. Поглаживая косу и прислушиваясь к чему-то, тростиночка удовлетворенно кивнула, уплотнила полог, отчего вспышек стало больше, а затем скинула девичий образ.

– В тетради я рылся, – ответил уже демоняка, прожигая меня недовольным взглядом. – То есть искал, – исправился он, оценив мой сердитый прищур.

– Это. Был. Мой. Дневник.

– Да какой дневник! – полыхнул рогами. – Ты там только прибыль и затраты записывала... записываешь.

– Неправда! – Я отодвинула от себя плошку с супом, а затем и столик.

– Да ну... – хмыкнул Хран, вскинул когтистую руку вверх, выудил из воздуха знакомую тетрадь, открыл ее на середине и с самым наглым видом зачитал: – Двадцать четвертое сентября. Скучно. Ждем Торопа из Заснеженного. Обещал привезти жирную рыбу для копчения и два килограмма трески, а еще зелень. Обязательно свежую петрушку, потому что на заставе такой нет. – Укоризненный взгляд на меня и широкая улыбка, открывающая все демонические клыки. – В сле-

дующие четыре дня ты методично перечисляешь самые интимные подробности своей жизни! А именно что готовилось в «Логове», что было отдано в прачечную и гладильную, о чем просили постояльцы и что помощницы сделали. Или не сделали... Ох уж эта Гайна! И как ты ее сразу не уволила, с твоим-то чутьем на мерзких людей?

– Хран, – прошептала я, все еще не веря в происходящее. Он нашел мой дневник, более того, он его читает!

– Прости, увлекся. Так, что там далее... Ах да! И вот наконец-то изменение! – Горный кашлянул, прежде чем огласить мою запись: – Двадцать девятое сентября. Тимка разбил окно в здании почтового отделения. Господин, чтоб его разорвало, Тикелл потребовал возместить ущерб в трехкратном размере. Вернула долг стеклом, пусть сам мучается, ставит, раз такой умный... И все! И это ты называешь дневником?

– Там есть и личные записи.

Я попыталась забрать свою собственность, но ушлый демоняка лишь отмахнулся от меня.

– Ах да! С приездом Инваго и его отряда стало на порядок веселее. – Он вскочил с кресла и отошел на несколько шагов. – И ты позволила себе действительно пару личных замечаний. Например, Гайна – ленивая бестолочь. Тарийцы – свиньи, грязными залезли в кровати и запачкали твоё белое постельное белье. Суо – не только маг, но и редкого сволочизма манипулятор. Асд и Гилт – гады и благородные нелюди, а командир тарийского отряда не просто потомственный

убийца, но еще и тварь неизвестная, опасная... Силен, бесшумен, быстро двигается, видит в темноте.

– На тот момент эти записи были очень даже актуальны, – ответила я, не думая оправдываться. Я писала то, что считала нужным, важным, личным.

– Они были не только актуальны, но еще и очень скромны, – улыбнулся Горный. – Ты даже бумаге боишься доверить собственные мысли. Из всех душевных переживаний тебя снедают только раздумья над ремонтом в «Логове».

– Ну если каждый второй умник, не обделенный зачатками совести, может найти и прочитать мой дневник... – произнесла я, подбираясь к нему.

– Да какой дневник?! – Попытка выцепить мою собственность из его лапищ вновь не увенчалась успехом. Демоняка крутанулся вокруг своей оси и щелкнул меня по носу. – После парочки почти ласковых определений ты, как любящая мать, пишешь, что предпочитает в еде Гилт, к чему равнодушен Асд, куда ты готова послать мерзавца Дори вместе с его посылками.

– Хран, дай сюда!

– Ладно-ладно, держи! – Он царственным жестом вручил мне дневник и посоветовал: – А теперь в быстром темпе съдай все что есть, одевайся, причесывайся. Я отправлю тебя в «Логово».

Приятная неожиданность мгновенно подняла мое настроение, я уже шагнула к столу, как вдруг вспомнила.

– А Эванжелина и девочки? Разве могу я их бросить, не поздоровавшись? Ко всему прочему я до сих пор не знаю, как прошел обряд и что случилось.

– Обряд прошел по всем правилам. Случилось непредвиденное, но мы справились.

– С чем справились?

– Подробности только при нем. – Демон кивнул в сторону двери, за которой спал Инваго, и ответил на предыдущий вопрос: – Уйти ты можешь. Вас еще три дня никто не рискнет беспокоить. Особенно если глава рода вознамерился уединиться с супругой.

– Уединиться? – удивилась я.

– Из зала обрядов он вынес тебя на руках, крепко вцепившуюся в него, молчаливую и ко всему безучастную. Безмерное счастье от встречи и нежелание отпускать из объятий было единственным достойным объяснением твоему состоянию.

– Ясно.

– Ешь, – приказал Хран и, направив в сторону плоски поток горячего воздуха, подогрел суп. Затем таким же потоком высушил мои волосы и ушел, оставив меня наедине с мыслями и дневником. Писать что-либо я не рискнула, просмотрела список «желаний» на будущее и задержала вздох.

Пункт о покупке нового участка земли был заменен на «Вся застава наша. Что хочешь, то и бери». В пункте о ремонте «Логова» появилась надпись «Теперь можно ре-

конструировать». Рядом значилось: «Следующие подпункты недействительны», и жирный крест перечеркнул все мои а, б, в, г... Далее шли вычеркнутые мечты о паре лошадей из тяжеловозов и постройке закрытой дровницы. А ниже, через несколько строк, на листе зияли два прожога. Сияясь вспомнить, что же там были за слова, я подняла взгляд к потолку. Кажется, «друг» и «любовник»...

Точно! Горькая улыбка коснулась губ. О супруге и браке я боялась мечтать, желая найти если не душевное, то хотя бы телесное утешение в мужских объятиях. Домечталась. Сноска на полях гласила: «Есть муж, пусть им одним и обходится». Напротив размашисто написано: «Согласен», и рядом с пунктом «дети» этим же почерком уверенно выведено «три мальчика, две девочки». Выходит, мой дневник побывал не только у Горного в лапах.

– Да чтоб вас всех!

– Уже собралась? – спросил голос тростиночки из коридора, и я в раздражении отложила в сторону... тетрадь. Действительно, какой из нее теперь дневник.

Хранитель рода, облаченная в зимнюю шубку и сапоги, вошла в спальню.

– Еще не собрана, а Инваго утверждал, что ты будешь рада отбыть в «Логово».

– И с чего бы ему об этом знать? – процедила сквозь зубы. – Сам догадался или прочел?

– Ты звала Торопа и Тимку. И родителей с братом, когда

было совсем плохо.

— Что ж... — Я качнула головой, отгоняя нелепые мысли о внимательности тарийца. — Хорошо, что я не звала жениха.

— Аламаса? Звала, — с непонятной интонацией ответила черноглазая красавица. — И Инваго отзывался на это имя. — Наши взгляды столкнулись: мой — возмущенно-вопросительный, и ее — умудренно-укоряющий.

— И на что он рассчитывал, притворяясь другим?

— Надеялся, что ты услышишь и захочешь вернуться хотя бы к бывшему жениху, раз не признаешь законного мужа.

— Не признаю и вряд ли решусь на это после сегодняшней шутки.

— А что он сделал? — удивилась тростиночка. Но я лишь раздраженно отмахнулась.

* * *

К моменту моего прибытия в «Логове» было на удивление спокойно, а еще чисто. Обломки со двора убраны, на месте сеновала красовался на скорую руку сбитый навес, под ним вольготно расположились Мартина и кони Торопа и Тимки. Харчевня все так же стояла без угла, ее все так же прикрывал магический полог, а его от любопытных взглядов скрывала идеально сложенная стена из поленьев. Вместо забора высился внушительных размеров снежный заслон, а на месте ворот имелись два наспех сколоченных щита из необра-

ботанных досок.

– Они хоть открываются? – спросила с тревогой.

– Падают, когда кто-нибудь звонит в колокол. – Тростиночка похлопала меня по плечу и улыбнулась. – Не волнуйся, это временно.

– То есть со временем станет еще хуже?

– Лучше. Мы все отстроим по высшему разряду, как в усадьбе рода Дори. Я видел, как ты все там осматривала, выспрашивала и проверяла на прочность вначале стены, затем слуг.

– Что-то не припомню такого. Я к слугам и близко не подходила, тем более не щупала их и не простукивала, как стены.

– Да ну?! – развеселилась тростиночка, грациозным движением поправила шубку на плечах и лукаво поинтересовалась: – А кто расспрашивал Пышку Суфи о желании увидеть горы? Кто сказал, что дворецкому срочно нужно поправить здоровье в хвойном лесу дальней заставы? Кто через свекровушку подсказал управляющему отдохнуть на берегу Северного залива?

Смущенно опустила взгляд. Я же просто так расспрашивала, без задней мысли. Почти.

– Что, молчишь? А впрочем, правильно, тебе есть чего стыдиться. Не успела в столицу приехать, а уже попыталась всех переманить. Удивлен, как ты к садовнику не подошла с вопросом о переезде, ты же его садом восторгалась два часа.

– Подошла, – ответила тихо. – Но он быстро меня раскусил и сказал, что не уедет. У него дочка первенца родила, и ближайшие годы он хотел бы провести рядом с внуком.

– Коварная, но милосердная! – Усмешка тростиночки была демонической. – А ведь могла не спрашивать. Супруга главы рода вправе распоряжаться слугами как ей заблагорассудится.

– И даже увезти из родных краев?

– Таковы законы Тарии, – повела плечом красавица, подхватила меня под локоток и повела к харчевне. – Также согласно им ты должна беспрекословно слушаться мужа и выполнять все его требования.

– Например? – едва успокоившаяся, я с новой силой ощутила себя загнанной в ловушку.

– Например, отдохнуть. – Меня провели через весь двор, открыли дверь и подтолкнули в тепло прихожей. – Полежать, почитать книги, вышивкой заняться и ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не браться за ремонт.

– Это еще почему? – Холодок скользнул вдоль спины, заставив сжать зубы. – Неужели новый хозяин «Логова» боится, что я выберу не те ткани?

– Опасается, что, сунувшись к магическому пологу, ты нарушишь связь и окажешься под завалами.

– И чем плохо? Место для переправки обозов и посылок он уже получил, в родной дом вернулся, имя свое честное защитил...

– А как же трое сыновей, двое дочерей и десяток внуков?

– Что?

– Ты учти, ему это еще в раннем детстве нагадали, да так, что он поверил. Поэтому пока своего не получит, он тебя не отпустит. – И, не дав мне напомнить о давешнем обряде, демон заявил: – Гилт и Асд уже отбыли, Тороп занят Гаммирой, поэтому за тобой присмотрит Зои.

– Оставь ребенка, у нее каникулы.

– В таком случае надзирателем станет Бузя, – решил он и девичьим голоском возвестил на всю харчевню: – Я ее вернула. Забирайте!

Щелчок пальцев, хлопок двери, и я осталась тет-а-тет с тишиной и раздражением, нарастающим из-за непонимания происходящего.

Именно поэтому спустившаяся по лестнице Гаммира получила тяжелый взгляд и молчание на вопрос о Таллике, Тороп удостоился кивка вместо приветствия, а малышня – строгого указания не шуметь в ближайшие часы. Покорные моей воле, они собрались и наперегонки убежали во двор. Проклиная все и вся, я поднялась к себе, выбрала новую тетрадь для дневника, села на подоконник и... не смогла написать ни слова. Долго смотрела на белый лист, на дрожащее в моей руке перо, но так и не уgomонила внутреннее возмущение. К чему писать, если все будет прочтено? А местами еще и выжжено, вычеркнуто?

– Ни к чему, – прошептала твердо и отложила обвинитель-

ное и отчасти плаксивое словоизлияние до поры до времени. А именно до встречи с обидчиками. – Уж им-то я все-все без утайки выскажу и не подумаю смутиться.

Придя к этому решению, я сбросила богатый наряд, облачилась в едва ли не последний любимый жилет, рубашку, штаны и пояс с иглами. Присела, чтобы обуться, и чуть не шарахнулась в сторону, когда ко мне из-под кровати выскочило нечто стремительное, большое, черное, звенящее сталью. Ткнулось носом в руку, проскочило между ног и вспрыгнуло на подоконник, чтобы с тоской взглянуть на играющих во дворе Зою и Тимку.

Разглядев гостя, тихо опустилась на пол. Демон, не откладывая в долгий ящик, уже прислал надзор.

– Б-бу-бузя, – произнесла я с заминкой, едва обрела способность дышать. Он недоуменно покосился на меня из-за плеча. – Чтоб тебе хо-хо-хорошо было, – добавила я через долгие несколько секунд, и зверек осознал свою ошибку. Спрыгнул на пол, посеменял ко мне.

– Не подходи, – попросила, с трудом сдерживая испуганный крик.

Но крот размером с кошку сделал еще один опасливый шаг.

– Н-не надо...

Еще шаг.

– Я боюсь, – пролепетала сипло, в надежде, что он услышит и поймет.

И он действительно услышал и понял, отчего его черные глаза-бусинки стали большими и круглыми, нос нервно дернулся, а сам зверек растерянно сел.

– Спасибо, – пролепетала я и попыталась встать.

Но в следующий миг Бузя решил воевать с моим страхом самым радикальным образом, то есть понять-то понял, но не принял. Поэтому он показательно медленно перевоплотился в огромного черного монстра и, не скрывая удовольствия, лизнул меня в дернувшуюся от нервного тика щеку. Вид двухтонного кошмара, сплошь покрытого плоскими иглами длиной и шириной с мою ладонь, затмили его внушительные зубы и блеснувшие красным огоньком глаза. Все ужасы, страхи и страсти, что я пережила за этот недолгий день, многократно поблекли перед новыми ощущениями всепоглощающего ужаса. Я не смогла вымолвить ни слова и, будь моя воля, сорвалась бы на писк, как Алиссия Тюри.

Демонический питомец наклонил голову вправо, затем влево и вопросительно поднял брови, или что у него там было вместо бровей – черное и острое на вид. С досадой переступил лапами, отчего и я, и вся мебель спальни подпрыгнули под мой все-таки вырвавшийся «йик». Именно этот ничтожный звук послужил своеобразным сигналом к действию. Монстр насмешливо фыркнул, опалив меня жаром, и опять лизнул. А затем еще бесчисленное количество раз. Уши, шея, нос, лоб, обе щеки, подбородок...

– Бузя, стой! Буз-зя, хватит. Все, все! Хорошо, я поняла, –

закашлявшись, ответила и вытерла губы, которые он только что лизнул. – Ты не страшный, – монстр кивнул, – а очень даже миленький и хо-хорошенький. – Кивнул еще раз. – Особенно хорошенький, когда маленький, – просипела я и выразительно посмотрела на него.

И это бесспорно умное и хитрое чудовище ухмыльнулось не хуже демона, потерлось об меня носом и, обернувшись маленьким и пушистым, оказалось на том самом месте, где его настигло мое признание в боязни. Весело фыркнул, не спеша преодолел разделявшее нас расстояние и забрался на руки. Взгляд на меня, мах лапой в сторону окна – неси. Я продолжила сидеть, а крот упорствовать, меня удостоили еще одного взгляда и маха, а затем и сердитого сопения.

– Бузя, а я тут вспомнила, что у меня есть дела... – произнесла самым нейтральным тоном и предложила: – Так что, будь добр, сам у окна посиди, а лучше сходи к Зои. – Сопение стало обиженным, но я внимания не обратила, сняла негодника с колен. – Она тебя давно не видела, Тим тоже давно не видел... А я уже насмотрелась. Все, иди.

Я поднялась на еще немного трясущихся ногах, выпрямилась и с высоты своего роста поторопила маленькое чудовище:

– Иди-иди. – Помотав головой, крот попытался возразить, но был остановлен строгим: – Я хочу побыть одна. – Он сник, шаркнул лапкой по полу. – Ладно... Можешь временами заглядывать. Но только давай без выпрыгивания из-под крова-

тей и темных углов, я знаю, ты можешь.

Обдумав мои слова, он наконец-то кивнул и выбежал из спальни.

Весь день прошел в тишине и незыблемом спокойствии. После двух встрясок за утро я впала в тотальную отрешенность и перестала чему-либо удивляться, спорить или объяснять. А следом прекратила остро реагировать на раздражители, будь это недовольство Гаммиры, разбитое детьми окно или явление ополовиненного демона.

Хран пришел ближе к ночи, бесшумно, как всегда подкрался со спины и, опустив на мое плечо ладонь, зашептал у самого уха:

– Тора, смотри, что я нашел. – На стол передо мной опустился... дневник, а демон самым невинным голосом продолжил: – Представляешь, зашел я через твою спальню, чтобы проверить Инваго, и вдруг вижу, в камине тлеет это.

Интересно. В комнате тарийца было по крайней мере три выхода, но для прохода к нему демон воспользовался смежной спальней. И надо же, разглядел в пепле мое «нечаянно» забытое имущество.

– И? – спросила я, продолжая разделять внушительный список покупок на товары, которые можно приобрести в Тарии, и те, что можно найти на заставе.

– И я ее восстановил! – обрадовал он и подсунул мне дневник, явно ожидая слов благодарности. Но не дождался.

– Ясно.

– И это все, что ты хочешь сказать? – Демон присел за стол.

– Нет, не все... Спали ее. Как ты сам выразился, это не дневник, и, как я сама понимаю, это уже и не личная тетрадь – ее читали.

– Кто? – искренне удивился ополовиненный демоняка. – Кто тот идиот, что решился читать записи самой Волчицы? Укажи мне на этого остолопа, я его побью.

– Начни с себя, а затем возмись за Инваго, – усмехнулась я с заметной горечью и отвернулась.

– То есть я и... – значительная заминка, а затем не менее искреннее возмущение: – Как это мы? Мы всего-то обсудили твой список. – Мой укоризненный взгляд его не приструнил, наоборот, распалил еще больше. – Да, потом я прочитал немного, но при тебе же, а это не считается. Правда, Тора, там же не было ничего такого...

– Хран, уйди с глаз моих, – оборвала его на полуслове и вновь осталась в тишине. В относительной тишине, не успел демон исчезнуть, на его месте появился печально вздыхающий Бузя.

И вздыхал он так тяжело и печально, что через пять минут мое терпение лопнуло:

– Оставь меня в покое. – Крот не сдвинулся с места. – Бузя... – прошипела я и вдруг услышала:

– Иди, я с ней посижу.

Подъем, резкий разворот, и вот я уже смотрю в пронзи-

тельно-синие глаза му-ж-жа, который устало произнес:

— Скалку, сковороду, пару метательных игл или арбалет и колчан с болтами? Хотя нет, его не надо. — Кривоватая улыбка и новое абсурдное предложение от явно бредящего воина: — Конечно, можно использовать и твой кинжал, но после него я вряд ли смогу поддерживать разговор. Одолевает дикая вялость, — пояснил он на мое удивленное «Что?»

— Так ты ради этого сюда пришел? Чтобы я тебя побила?

— Чтобы простила и перестала злиться, — поправил он. — Ты не спишь, хотя уже три часа ночи, ничего не ешь с самого пробуждения и всех избегаешь, чтобы ни с кем из домохозяев не поругаться. Так что вот он я, причина твоего расстройства, снимай злость, а потом поговорим... если я останусь в живых.

Я прошла по нему взглядом с головы до ног, подмечая и бледность кожи, и нездоровый блеск впалых глаз, и шрамы от ожогов, что из-под рубашки виднелись на шее и руках. А хуже всего то, что Инваго не стоял, он раскачивался.

— Калекой останешься, бестолочь, — произнесла я с полной уверенностью в том, что тариец сейчас свалится на пол.

— Нет, я умный. Я знал, что сказать, дабы ты, очнувшись в воске, не уснула и не растворилась в небытие. Я знал, когда прийти за прощением, чтобы не получить кинжалом в сердце. Более того, я четыре дня тебя прождал и даже не соблазнился...

— Было бы на что, — фыркнула я, вспомнив толстую корку

воска на моем теле.

– Было, – уверенно заявил он и шагнул ближе. – Поэтому я заслуживаю...

Чего негодяй хотел в награду, я не услышала. Он стал заваливаться набок, в попытке уберечь его от падения я ухватила воина за грудки, а в итоге мы оба оказались на... кровати.

– Чтоб тебя! – Поднялась на локте, недобро поглядывая на обнаглевшую тарийскую сволочь, вольготно расположившуюся на моих подушках и прижимающую меня к себе.

– На полу было бы жестко, – объяснил Инваго наше перемещение, – на кровати удобнее. Ко всему прочему я на нее имею такие же права, как и ты. Поэтому... – не успела я рывкнуть «Дори, выметайся отсюда!», как вдруг он спросил: – Поговорим сейчас или утром?

– Утром? – прошипела, удивляясь его наглости.

– Согласен. Спи.

Глава 3

Мой сон был сладким и чувственным. Я ощущала столь ценные для меня умиротворенность и защиту, медленные поглаживания спины и мерное биение чужого сердца под ухом. Но стоило пошевелиться и протяжно вздохнуть, как тепло и нега исчезли, словно их и не бывало. Зажмурившись, попыталась вернуть видение, полное ощущений, но была грубо возвращена в реальность чуть хриплым:

– Уже проснулась?

– Да чтоб тебя!.. – пробурчала я в подушку.

– И тебя с добрым утром. Хотя правильнее сказать – с добрым днем. – Инваго вошел в комнату, неся перед собой поднос, заставленный тарелками. – Вставай, поешь. И если не уснешь, так и быть, поговорим.

– Так и быть? – повторила я и усмехнулась. – Ты сам предложил все перенести.

– Я забыл, что ты у нас соня. Дай тебе волю, все проспешь... и даже не узнаешь, как обряд прошел. – Пауза и многозначительное: – И что нас дальше ожидает.

– А что нас ожидает?.. – спросила я и была остановлена решительным:

– Позже. Садись есть.

Я безропотно поднялась, присела за столик и только после этого заметила, что жилета и пояса на мне нет, рубашка рас-

стегнута на несколько верхних пуговиц, а штаны аккуратно сложенными лежат на прикроватной тумбе. Мой мрачный взгляд Инваго расценил правильно и тут же сделал невероятный по наглости выпад:

– Как муж я должен был подумать о твоём комфорте. Извини, если перестарался.

Да как с ним теперь ругаться? Никак. Кивнув своим мыслям, попыталась встать и одеться, но мне на ноги тут же упал тонкий плед.

– Держи, если тебя моя компания стесняет.

И опять не придерешься.

– Спасибо, ты сама обходительность. – Я расправила плед, прикрыла ноги и вместо ожидаемых слов «я же муж» услышала:

– Пытаюсь загладить вину. На обряде ты должна была симулировать боль, а не испытывать ее, – признался он, накладывая на мою тарелку тушеную картошку, куриную грудку в сметанно-чесночном соусе и салат с зеленой петрушкой. – Мы с Горным предусмотрели многое и просчитались, как два...

– Оболтуса, – предположила я.

– Молокососа, – не согласился Инваго. – Мы были уверены в том, что маг нарушит ход обряда, призовет внешние силы или голыми руками попытается тебя придушить, но он поступил проще и хитрее.

Мне протянули тарелку и вилку, предложили начать с са-

лата, но я отложила приборы в сторону и спросила:

– Как поступил? Что он сделал?

– Всего лишь воспользовался нашей глупостью и разозлил Златогривого, – как на духу выдал Дори, затем передвинул приборы ближе ко мне.

– Очень коротко. А теперь с пояснениями, пожалуйста.

– Наши законы жестоки. Каждый обряд – это, по сути своей, проверка исключительно женской верности... и наказание. Провинностью могут стать не только тайные встречи на стороне, но и первый законный брак. И чем больше «провинность», тем страшнее возмездие. Именно поэтому вторые браки у нас очень редки, а если и случаются, то лишь с бездетными дамами. – Воин с сожалением посмотрел на реликвию, украшавшую мою руку, и глухо произнес: – По мнению Мэнога и всех присутствовавших на обряде, ты прошла через наказание за прошлое с Уросом. Не вынесла боли, призвала Златогривого и натравила его на меня, едва обряд моего вызова сработал.

Теперь у родственничков есть еще один повод меня презирать. Грязная вдовийка – зверя натравила, но мужа не убила, вот же тварь!

– А на самом деле? – прохрипела я.

– В действительности... Вместо трех связей – с хранителем, родом и мужем – у тебя есть только две. Второй тебя лишали, поэтому первая не справилась с защитой. Отсюда боль. Следом пробуждение Златогривого и его нападение.

– Но я его не натравливала! Я вообще ничего сделать не могла.

– Тебе и не потребовалось, я не совсем человек, если помнишь. И, посчитав меня причиной твоих мучений, он разобрался со мной как с демоном.

– Съел? – Я с сомнением покосилась на еду. Чувствую, вот теперь мой аппетит совсем перебит.

– Всего лишь поджарил, – Инваго криво улыбнулся, – мне не привыкать, а вот тебе досталось.

Я сглотнула горький ком и, заставляя себя расслабиться, произнесла почти небрежно:

– Что ж, не умерла...

– Плюс твою завесу воспоминаний потревожило, – добавил он словно бы нехотя.

– Калекой не стала... и на том спасибо, – вновь попыталась взять себя в руки и не пырнуть муж-жа вилкой.

– И усыпило на несколько дней, – завершил мерзавец Дори и забрал у меня вилку. – Но! Это единственная плохая новость. А хороших намного больше. Первая – глубокий сон способствовал полному заживлению твоих ожогов, вторая – я тебя не упустил и не дал забыться на куда более долгий срок, третья – все видели, как я явился во время обряда, бросился на помощь любимой жене и получил огненное крещение.

Я решительно не понимала его радости.

– И что хорошего? Теперь все думают, что я несостояв-

шаяся убийца.

– Пустяк, в нашем роду каждый третий мечтает убить супруга, ты не исключение.

– Действительно, не зря же в борьбе за реликвию у вас вырезают всех первенцев.

– И не только первенцев. – Воин разлил по чашкам кофе и, прихлебнув из своей, заявил: – К слову, не у вас, а у нас. Согласно бумагам, ты не первый год Дори, пора бы уже привыкнуть. – Не давая мне возразить, продолжил: – А плюс нападения в том, что мне не придется прятать изменения во внешности, называть себя Талликом и показывать метку имени на спине. Я умер на их глазах под огнем Златогривого. И возродился, став Инваго.

Я покивала, во всем с ним соглашаясь.

– Да-да, отрадно слышать, но... – Значительная пауза и укол: – Ничего из вышеперечисленного не объясняет твоё пятилетнее молчание. Ты ведь ни одного письма не отправил домой.

И мне досталась широкая, уверенная и весьма ироничная улыбка, с которой тариец медленно произнес:

– Я – Инваго Дори, глава рода Дори, восставший из огня и вынесший из него жену, женщину, которую я люблю и вижу матерью своих детей, мою Волчицу, мое сердце. – На этом невероятно сильном по эмоциональному накалу месте он внимательно посмотрел на меня, не дождался никакой реакции и уже более беззаботно ответил: – Они не имели права

отрекать тебя от рода. Искать меня – да, отлучать тебя без моего на то согласия – нет.

– Но это был приказ короля, – припомнила я слова Горного, – в связи со сложной политической ситуацией и возможностью свержения правящей ветви.

– А мне все равно. Я нынче возмущенно-негодующий глава рода. Задавать мне вопросы можешь только ты, по праву жены, и Оргес IV. Но тебе неинтересно, – вдруг ни с того ни с сего укорил он, – а король, как это ни удивительно, ничего не помнит. Ни номера отряда, ни цели похода, ни собственного приказа оборвать переписку с родными.

– Совсем ничего? – удивилась я.

– Это крайне удобная забывчивость. Не осталось никаких документов. Если бы мама и Хран, то есть на тот момент Ви-вьен, еще не ушедшая в отпуск, не нашли меня в списках добровольцев, никто бы не вспомнил о сорока пропавших воинах. Впрочем, и это Его Величество пожелал скрыть, расплатившись дальней заставой.

Инваго замолчал, в очередной раз чего-то выжидая, я же с головой окунулась в воспоминания. Когда заезжие купцы впервые сообщили о заключении мира с Тарией и решении нашего короля, я не поверила. Какой дурак согласится назвать себя проигравшим и вручить Оргесу IV северный залив? Из-за этой мрази, возжелавшей захватить выход к южному морю, погибли сотни тысяч вдовийцев, исчезли десятки городов и деревень. А некогда прекрасные территории за-

цвели черными маками из-за павших в сражениях магов. Я злилась и не понимала, как можно было отдать свои земли убийцам, как можно было не забрать оттуда людей. Я предвидела, что многие сбегут с побережья к заставам. Я готовилась хоть кого-то скрыть. Но не прошло недели, в «Логово» явилось двенадцать постояльцев с доброй вестью и дарственной Оргеса IV на руках.

Оказалось, тарийцам отошел не только залив, но и часть прилегающей территории... теперь некий Дори – хозяин в моем уютном детище. О том, что он владеет всей заставой, я не знала, впрочем, я его и без того возненавидела.

От одних лишь воспоминаний руки сжались в кулаки.

– Ты так и не поинтересуешься? – спросил Инваго и получил тяжелый взгляд из-под бровей.

– Что? – Голос мой был глух и далек от добрых интонаций.

– Выходит, ничего.

Дори поднялся, отступил на шаг, и в тот же миг рядом с нами объявился жизнерадостный Хран.

– Доброе утро, – пропел демон, наплевав на то, что солнце давно в зените. – Ну как... вы обоюдными приветствиями уже обменялись или еще не успели? Учтите, я всегда рад произвести между вами обмен, – столкнулся с моим недоуменным взглядом и пояснил: – В смысле, поцеловать одну и пырнуть кинжалом другого. Тора, что скажешь?

– Спасибо, не стоит.

– А ты, Инваго?

– А я что хотел, уже поцеловал, – ответил тот и вышел из спальни.

Да чтоб тебя, тариец недожаренный! Я проводила Дори тяжелым взглядом и сжала кулаки, в сотый раз уговаривая себя, что судьба ему за меня воздаст, если еще не воздала. В противном случае я лично проверю его неуязвимость к огню, воде и яду.

– Ну... как ночь прошла? – Демон присел за стол, отодвинул от себя тарелки и, подперев рогатую голову рукой, воззрился на меня черным лукавым взглядом. – Подробностей не надо, – опередил он мою чистосердечную отповедь и предложил: – Но хоть вкратце скажи, понравилось очень или очень-очень.

Лучше бы он мне про ночь не напоминал, самой тошно от того, с кем и где спала.

– Хран... – глухо произнесла я в попытке остановить его расспросы.

– Что – Хран?! Смотрю на тебя и нарадоваться не могу. Ты перед ним раздетая сидишь, глаз неводишь, кинжал воткнуть не помышляешь.

– Горный...

– Идиллия! Вот Тороп будет удивлен. – Демоняка не слышал и продолжал улыбаться во все клыки. – А ведь старый предупреждал, что ты не скоро оттаешь. Первым делом расскажешь о родных, а потом уже перестанешь хвататься за клинок и назовешь Инваго мужем.

Он хотел что-то еще сказать, но я поставила жирную точку в его монологе, всего-то левой рукой вогнала в стол нож, что удерживала до сих пор. Не помню, когда успела его схватить, до предложенного пледа или после, главное, мой названный отец был прав. Я безоружна лишь с теми, кому доверяю и за кого не боюсь. А это два взаимоисключающих фактора, ведь боюсь я за всех своих и больше никого не желаю терять.

– Хм... – Хран смешался, – неловко вышло.

– Думаешь? – Я поднялась, мысленно решая, чем бы Горного огреть. За поднос схватиться или за привычный уже канделябр?

– Именно так. – На мгновение он задумался и кивнул. – Да, так. И, знаешь, я тут вспомнил, мне нужно идти.

– погоди, я тебе сейчас скажу, что такое «неловко». И даже пример приведу. Неловко – это когда хранитель, на которого рассчитываешь, сбегает с обряда. Оставляет наедине с восставшим из мертвых магом.

– Инваго не маг, – прозвучало в ответ, но демон быстро сообразил, что имелся в виду Мэног.

– И из-за чего, спрашивается, Хран Горный бежит, поджав свой хвост?! Разве не он сильнейший из демонов, обитающих на поверхности? Не он повелитель заповедных земель, Вершитель судеб, Жнец, собирающий долги?

– Я всего лишь отлучился...

– Хран, чтоб тебя разорвало!

– ...недалеко и ненадолго, – продолжил он как ни в чем не

бывало. И я все-таки запустила в него канделябром. Жаль, в рогах демоняки он не повис, просвистел над головой, вылетел в коридор и со звоном прокатился по полу.

– Торики, в «Логове» и так разруха, а ты еще предметами роскоши швыряешься, – решил он меня укорить, а заодно сменить тему. Но я не поддалась.

– Почему ты испугался Уроса?! Почему сбежал? Что в нем такого страшного? Говори!

– Тора, тебе не стоит так распаляться... – заявил Хран обеспокоенно, глядя то на меня, то в сторону двери.

– Почему?

– После обряда у тебя было мало времени на восстановление...

– Нет! Почему ты сбежал? – повторяю чуть ли не по словам. – Я наконец-то пришла в себя после очередного вашего просчета, выжила вопреки всем прогнозам и даже не свихнулась и имею право знать. А ты...

– Он не скажет, – раздалось совсем рядом, и горячие руки опустились на мои плечи. – Успокойся. Твой крик слышен за пределами заставы.

– А ты? – спросила я, только сейчас заметив, что голос у меня хрипит. – Ты расскажешь, почему Хран испугался Уроса?

– Да. – Инваго подал демону какой-то знак, и Горный со вздохом облегчения исчез. Я дернулась обернуться, но воин не пустил. Знал, что следующие его слова меня не вдохно-

вят. — Расскажу, но не сегодня.

Мрачно покосилась на него.

— И не завтра. Я отбываю к границе королевства Ариваски на неделю, — обрадовал Дори. — Замолвишь словечко перед мамой?

— А...

— Спасибо. Ночью буду как штык! — заверил он и исчез, не услышав логичного вопроса «в каком смысле как штык?»

Незамедлительно рядом со мной объявился Бузя, вышел из темного угла, держа в зубах давешний канделябр. Одним прыжком перемахнул через полкомнаты, приземлился на стол и аккуратно водрузил на него погнутый предмет роскоши.

— Опять вздохать будешь? — спросила я, складывая упавший на пол плед.

Демонический питомец помотал головой и, вопреки собственным заверениям, тут же покосился в сторону окна и вздохнул. Пока я умывалась, одевалась и завтракала, он с места не сдвинулся, зато вздохнул трижды и каждый раз с новой интонацией. Протяжно и горестно, коротко и печально, отрывисто-восклицательно, когда я поднялась и подошла к окну.

А там ничего нового. Чистый двор, снежный забор, ворота из щитов, навес для лошадей и крадущаяся к скакунам Гаммира. Я не сразу признала в сторбленной фигуре все и вся презирающую тарийку, однако, узнав ее, с удивлением

потерла глаза. Медам, облаченная в один из охотничьих костюмов Торопа, полрой плаща прикрывала седельную сумку и арбалет с колчаном, полным стрел.

– Не поняла... Она что, сбежать собирается? Только этого мне не хватало. – Я повернула ручку и рванула на себя оконную створку. – Стойте!

Мой окрик не успел сорваться с губ, а окно уже захлопнулась. С возмущением обернулась к Бузе, готовая высказать все, что думаю о его самовольстве, но встретила взглядом отнюдь не с демоническим питомцем, а с Зои, свесившейся с потолка и перегородившей весь обзор.

– Не кричи, – попросила малышка. – Ты ее спугнешь, и мы не увидим очередное возвращение блудной Гаммиры.

– Очередное? – оторопела я.

– Это уже третье по счету.

– Пятое! – В спальню без стука ворвался Тимка. – Ты забыла про ее вылазки ночью.

– Оба раза она даже во двор не успевала выйти. Поэтому я их не учитываю, – возразила демоница. – Ко всему прочему в те разы она забывала взять с собой съестные припасы и оружие.

С удивлением я внимала их переговорам, переводя взгляд с детворы на свекрессу, добравшуюся до скакунов.

– А как же вилка, спрятанная в рукаве? – привел очередной довод малец.

– Ха! Если бы она ее в ход пустила и выколола Торопу

глаз, это было бы оружие. А просто припрятанная вилка – это фикция.

Братец внимательно посмотрел на меня, что-то вспоминая, и кивнул своим мыслям:

– Согласен. Сегодня подготовка Гаммиры намного лучше прежних.

Тимка взобрался на подоконник, Зои мягко приземлилась рядом с ним и поманила на колени крота. Все трое неотрывно смотрели на то, как медам седлает Мартину, спешит, явно ругается и каждые пять секунд озирается по сторонам. То, что у свекрессы есть опыт общения с моей пегой, стало ясно, едва кобыла оказалась под седлом, а ее зубы – в непрости-тельной близости от тарийки. Зараза с норовом тут же получила перчаткой по носу, а затем и плеткой по крупу. Удивление на лошадиной морде явно отразилось и на моем лице.

Это сколько же времени Гаммира обхаживала строптивую кобылу, чтобы та не пыталась сейчас ее ни лягнуть, ни с себя стряхнуть? Десятки раз или сотни?

– Как думаешь, далеко уедет? – Голос Тимки прервал мои размышления, возвращая к созерцанию медам в седле и покорной Мартины под ним.

– Недалеко! И поверь мне, такое представление лучше всего смотреть вблизи, – ответила малышка.

– Опять обрушишь на нее щиты ворот?

– Что? – Мой возмущенный вопрос прокатился по комнате и со звоном люстры отразился от потолка, но не был

услышан.

– Лучше! Бузя подрежет ей подпругу.

– Когда?!

– Сейчас, – ответила маленькая демоница и щелкнула пальцами точь-в-точь как Хран. Всего на миг крот, сидящий на ее руках, словно бы размылся, а затем вновь стал четким. Во дворе раздался испуганный вскрик, следом громкое ржание лошади и возмущенный голос нашего вояки. Он заметил беглянку.

– Меняем наблюдательный пункт! – скомандовала Зои.

– Тора, давай за нами. Тороп сейчас этой гримзе задаст! – возопил мой добрый братец и выбежал из спальни вслед за малышкой и Бузей. – Он ее в снег окунет...

– Скорее уж отшлепает, как обещал! – донеслось явно из кухни, где каждый звук нынче усиливался пологом.

Однако оба предположения оказались неверны. Мне не нужно было менять пункт наблюдения, чтобы понять, что простым физическим наказанием вояка не ограничится. Только что вернувшийся с охоты, он закрыл щиты ворот, сбросил дичь с плеча и широкими шагами преодолел расстояние до Мартины и ее неудачливой наездницы. Даже не окриком, взглядом отогнал первую, рывком поднял вторую, что барахталась в складках плаща, сорвал с ее головы капюшон и шагнул вплотную.

Тороп произнес всего пару слов, и замершая тарийка забила в его руках, истошно проклиная. Ее вопли отража-

лись от толщи снежного забора, ударялись в магический полог и, многократно усиленные эхом, звучали над «Логовом», сообщая, что мой названный отец – грязный ублюдок, вдовийский ушмарок, поганое отродье – не смеет прикасаться к даме голубых тарийских кровей. Что он и его опека могут катиться в... предположим, что в бездну или в спальню к... Я не услышала, скорее ощутила, что горячая речь Гаммиры перешла с Торопа на меня. И очень зря. Терпеливо ожидавший, когда свекресса выдохнется и умолкнет, он стремительно потемнел лицом.

Показалось, он ее ударит!

Но закаленный в боях, повидавший несчетное количество смертей и истерик, он вместо того, чтобы надавать свекрессе по щекам, схватил ее за волосы. Притянул к себе и впился грубым поцелуем в губы, а затем обрушился на беззащитную шею, попутно срывая с медам куртку и плащ. Пощечины, царапины и удары разозленный вояка сносил не замечая. На мощение двора полетел женский жакет, следом рубашка...

– Ничего себе, – послышалось с кухни.

– Он ее что, прямо там отшлепает?

И, словно бы услышав, Тороп посмотрел на окна таверны. Одним лишь острым взглядом заставил умолкнуть детей и отшатнуться меня.

– Ох ты ж!

Я помнила этот взгляд и эту напряженную стойку воина с тех пор, когда мы только приехали на заставу. Еще не по-

лучившая фамилии названного отца, я жила с ним в съёмной комнатухе и была самой обсуждаемой персоной как на заставе, так и в Заснеженном. Болезная молодуха во грехе живет со стариком, отчего ж такую не обсудить. К счастью, меня закидывали грязными предложениями, а не гнилыми помидорами, да и то недолго, пока наш вояка вплотную не взялся за сплетниц и ловеласов-храбрецов.

Простыми ушибами и выбитыми зубами дело не обошлось. Тороп мстил как лесной, продуманно и жестко. Кто-то поссорился с детьми и женой, кого-то выгнали из дома, самые злые сплетницы ни с того ни с сего потерялись в предгорье на долгие пять дней. А пьяница, попытавшийся зажать меня в подворотне, получил не только иглы в брюхо, но и прогулку в заброшенные шахты. Долгую прогулку. Он вернулся на поверхность седым, худым и более не пьющим. На любую попытку вразумить буйно мстящего Торопа Лорвила ответ был один и тот же: «Я предупреждал». Вот и сейчас ничего хорошего Гаммире ожидать не стоило, ее предупреждали, возможно, не раз.

– Дети, живо в детскую! – крикнула я, пробегая мимо кухни.

Сорвав с вешалки куртку, выскочила на порог и застыла. Торопа и свекрессы на прежнем месте не было. Отец стоял под навесом у лошадей и, опустив руки в желоб с водой, умиротворенно что-то насвистывал. А Гаммиры во дворе вовсе не наблюдалось. Сорванная с нее одежда есть, хозяйки нет.

– Как под землю провалилась, – прошептала я, оглядывая двор.

– Скорее под лед, – ответила Зои, удаляясь с Тимкой в детскую.

Понимание сказанного пришло вместе с ужасом. Хранитель рода подобного не простит вояке, не дай Иллирия, еще и отомстит по-своему.

– Тороп?! То-о-о-ороп... пусти ее!

– Рано! – ответили мне и продолжили удерживать тарийку под водой с крупной крошкой льда.

– С ума сошел, она же сейчас захлебнется!

– Не успеет, я считаю.

Я почти добежала до нашего нравоучителя, когда он освободил свекрессу всего на миг. Дал ей поднять голову и, не позволив сделать бесценный первый вдох, поцеловал. Она дернулась в испуге, он ухмыльнулся и опять толкнул ее на дно.

– Тороп! – Я вцепилась в него, надеясь оторвать от бедной пленницы, уже не рвущейся из рук «палача».

– Не верещи. Если наша многоуважаемая тарийская медам не желает остаться под крышей «Логова» по-хорошему, останется по-плохому.

– Убьешь?

– Устрою воспаление легких. Полежит две недели, глядишь, угомонится. – С этими словами он наклонился к желобу, подхватил Гаммиру на руки и вынул ее из воды. – Эх,

чего не сделаешь, чтобы уложить женщину в постель, да, моя хорошая? – обратился к ней и получил дрожащей рукой по щеке.

Пощечина была слабой, скользкой, но и ее хватило, чтобы вояка хищно улыбнулся.

– Милая, конечно, постель будет моей! Как говорится, исполним все ваши желания.

Перехватив испуганный взгляд дрожащей тарийки, я рискнула вступить за строптивую, но услышала только:

– В сторону, Тора, я разберусь сам.

И он разобрался.

Не прошло получаса, свекресса переехала в его спальню. А на все мои укоризненные взгляды и попытки разузнать, что происходит, Тороп отвечал односложно: «Позже». От кровений пришлось ждать вплоть до наступления вечера, когда Гаммира забила в лихорадке, покрылась красными пятнами и захрипела. И я бы не узнала о ее плачевном состоянии, если бы не Зои. Малышка ворвалась в кухню маленьким смерчем и, схватив за руку, потребовала, чтобы я вмешалась в лечение несчастной.

– Тора! Тори-и-ика! Кажется, он ее там душит! А еще головой об стенку бьет...

– Что?

– Нет, я конечно, не против. У каждого мужика к возлюбленной свой подход, и этот еще не самый худший, – невесть в чем обвинила она нашего вояку и с тревогой заглянула в мои

глаза. – Но если она умрет, дядя ее на том свете не оставит. Вернет на этот и получит новый срок от Адо.

– Ты уверена?

– В чем? – Она нахмурила лобик. – В том, что срок получает, – да.

– А в том, что Тороп Гаммиру бьет? – уточнила я.

– Не очень. Но там такие звуки!

Я несмело улыбнулась. Надо же, маленькая демоница нынче не рвется в закрытые комнаты, а ориентируется исключительно по звукам.

– Так ты сходишь? Проведаешь ее?

– Схожу.

– Хорошо, – улыбнулась Зои и тише добавила: – А я за тобой следом.

Я не стала откладывать с визитом. Поднялась наверх, постучалась, дождалась разрешения войти и толкнула дверь. Картина, представшая взору, одновременно порадовала и напугала. Отец не бил свекрессу об стенку головой, она билась сама, а еще хрипела и сыпала проклятиями на древнем тарийском. Увидев ее в состоянии припадка, я остолбенела и вздрогнула от мрачного приказа:

– Тора, входи. Зои, вон отсюда.

– Но как?! – возмутилась невидимая малышка откуда-то с потолка. – Как ты узнал, я же все недочеты исправила!

– Ты забыла про тень, – нравоучительно ответил вояка и рывком уложил свекрессу на подушки. – А теперь вышла и

закрыла дверь.

Дверь не просто закрылась, она захлопнулась, в коридоре послышалось сердитое сопение, а затем и торопливые шажки. И лишь когда на лестнице скрипнула предпоследняя ступенька, Тороп попросил:

– Не пугайся. Сейчас она утихнет и, может быть, заснет. Если повезет – до утра, а нет – так у нас с тобой будет час или два до следующего ее полета в закрытое прошлое. У нее блок на воспоминаниях.

– Такой же, как у меня? – Я шагнула ближе, опустилась на кровать.

– Хуже. – Наш вояка поморщился, словно бы ощущал боль от старой раны. – У тебя завеса. Ты помнишь все, но острота воспоминаний приглушена. У Гамми же кто-то вырвал несколько месяцев жизни.

Гамми? Меня не столько сокращение имени удивило, сколько интонация, с которой Тороп его произнес. Мягко, с едва заметной ноткой опеки, что прослеживалась не только в голосе, но и в каждом прикосновении к Гаммире. Она стала спокойнее, и он ослабил свой захват.

– Может, это время болезни? – озвучила я первую пришедшую мысль. – Эванжелина говорила, что после расставания с Оргесом IV свекресса едва не погибла от лихорадки.

– Не думаю. Скорее всего, блок поставили до так называемой болезни, а лихорадка – это уже реакция разума на запрет вспоминать.

– Оргес хотел ее убить?

– Не исключено. – Тороп убрал с лица тарийки налипшие пряди, промокнул влажный лоб полотенцем, с тревогой вглядываясь в заострившиеся черты лица. – Блок может быть и ключом к сознанию, и толчком к самоубийству. Я подумал об этом еще во время ее отравления грибами, а теперь просто уверен.

– Из-за побегов?

– Нет. Сбегать она начала, когда уверилась, что мы с нее глаз не спустим. А до этого она несколько раз пыталась себя умертвить. Правда, не так виртуозно, как ты в свое время... – многозначительно хмыкнул вояка, припомнив времена моего отчаяния после визита в захороненную Гязу. – Однако настойчивости ей не занимать. Уж если травиться, то всем, начиная с уксуса, заканчивая мылом. Выброситься из окна и удавиться тоже пыталась, на ее счастье, здесь есть Зои и Бузя.

– Травится и весится? Никакой фантазии. Нет чтоб подавиться клоком собственных волос. Всегда при себе, надергать можно в любое время, и не только с головы, – посетовала я и получила увесистый шлепок пониже спины. Тороп, негодяй, через всю кровать дотянулся, чтобы «высказать» свое мнение. Замахнулся повторно, но я уже отсела и удостоилась лишь тяжелого взгляда.

– Чтобы больше я этого не слышал!

– А что такого? – наигранно изумилась. – Пусть она и ма-

дам от рождения, но вряд ли блюдет безволосую чистоту. Ну-ка скажи, у нее ноги мохнатые?

– Торики ЭлЛорвил, ты меня поняла, – произнес бывший вояка, одной лишь интонацией предупреждая – не шути.

– Хорошо. Я поняла. Но хочу напомнить, что я еще и Дори. А это значит...

– Что шлепать ее могу только я, – раздалось от двери.

Вздвогнув от одного лишь звука голоса, я обернулась. Инваго бесшумно прошел к кровати, навис надо мной и медленно уплывающей в беспмятство свекрессой.

– Как она? – спросил он у Торопа.

– До утра продержится. А там, может быть, вам удастся поговорить... еще раз.

Так Инваго все это время знал о состоянии крестной и ничего не сделал?

– Хорошо. – Дори погладил болезную по руке и перевел пытливый взгляд на меня.

– Что?

Тысяча вопросов о том, почему Хран и Инваго не сидят у ложа Гаммиры, почему не спасают ее от блока, предпочитая бегать по просторам Ариваски за подземным зверьем, молчать о странной связи между демоном Горным и уродом Уросом, померкли при воспоминании несуразной фразы «Буду как штык».

– Что ты смотришь? – Воинственные нотки хорошо скрывали панику, но не дрожь. И я поморщилась от звучания соб-

ственных слов.

– Покормишь?

– Кого? – спросила, точно зная: если с этим му-ж-жем прибыл новый обоз и двадцать с лишним нелюдей, я удавлю его здесь и сейчас.

– Меня... – ответил он и повторил со странной интонацией: – Покормишь?

– С ложечки? – Несмотря на браваду, голос все еще звенел дрожью.

– Можно и так. – Он взял меня за руку, потянул на себя. – Доброй ночи, Тороп, хороших снов, крестная.

– И вам, – раздалось в ответ, когда дверь за нами закрылась.

– Гаммира? Это была Гаммира! – Я остановилась, не давая себя увести. – Ты хотел с ней поговорить.

– Утром.

– А может... – Мне совсем не хотелось оставаться с ним тет-а-тет, для побега я была готова найти любой подходящий и не очень повод.

– Утром, Тора. – Инваго сжал мою ладонь и коварно улыбнулся: – Ну или сразу после того, как ты меня помоешь.

Зря пугал.

Он и мылся, и ел сам. Правда, в спешке, словно и думать не мог ни о чем, кроме постели. И бросал он на нее столь вожделенные взгляды, что я поспешила отступить к стене. Вдоль нее аккуратно переместилась к двери и уже почти кос-

нулась ручки, как надо мной раздалось громовое «Тора... Спать!».

Вопреки разом накатившей сонливости и усугубившей ее вялости я заторможено обернулась.

– Спать так спать. Зачем же так орать?..

– Поговори мне еще, – фыркнул Дори и подхватил меня на руки. – Дал бог и не кается.

– Ты тоже не очень расстроен, – шепнула я и уплыла в сон, полный щемящей нежности синего взгляда и мягкой улыбки с ямочкой на левой щеке.

Глава 4

Второй день моего пребывания в «Логове» был не таким насыщенным, как первый, и оттого незапоминающимся. Проснулась поздно, в одежде и одна. Почти порадовалась – Инваго не своевольничал и меня не раздевал, но рубашка, вывернутая наизнанку, и ремень, неверно застегнутый, быстро объяснили, что радость преждевременна. В остальном в родном уютном детище было тихо. Малышня играла с Бузей, Тороп занимался Гаммирой, я – инспекцией схронов в кухне, подполе и ныне исчезнувшей конюшне.

К моему несчастью, вернее, к несчастью всего рода Дори, мои накопления за годы хозяйствования пришли в негодность. Под ударом ли самого Инваго или благодаря дыханию напавшей на «Логово» твари золото оплавилось и теперь драгоценной кляксой украшало разделочный стол и бутылки с соленьями, а серебро странным образом пропитало столбик, в котором хранилось. И этот столбик, вырванный из земли и кем-то с силой отброшенный, теперь, как гвоздик для подковы, украшал собой вход в таверну.

Я долго думала, как его оттуда убрать, ждать ли нелюдей, демона или всесильного тарийца и недодемона в одном лице, но все решил надзиратель Бузя. Крот, чтоб ему икалось трое суток подряд, без спроса принял образ черного ужаса, подошел со спины и лапой сбил гвоздик-столбик, который

мне чуть было ногу не отдалвил. А впрочем, если бы и отдалвил, я бы не заметила. Вид огромной лапы с когтями в метр длиной, да еще вблизи, надолго выбил меня из колеи. Я даже возражать не стала, когда явился Инваго с уже надоевшим «Спать».

Погружение в сон произошло почти мгновенно, а вот с пробуждением я бы повременила до следующей ночи. Чувственное сновидение, до краев наполненное негой, было томительно нежным и соблазнительным. Россыпь медленных смакующих поцелуев на шее и плечах. Легкие поглаживания живота и бедер. Голос, чуть хрипящий обещанием, ускоряющий кровь. И только я начала вникать в слова, ожидая признания, в голове моей вдруг раздалось: «Мракобесье, дорогая, ты отлежала мне руку!»

Нет! Это явно из кошмара, мысленно отмахнулась я и уже почти вернулась в негу, как вдруг над ухом раздалось:

– Тора? Торики... просыпайся.

Не видя в пробуждении никакого смысла и все еще надеясь досмотреть свой томный сон, лишь нахмурилась.

– Тора, мне нужно уходить, – заявил Инваго твердо и, хлопав меня по бедру, развеял последние ниточки видения.

Исчезли поцелуи и прикосновения, появились запах, свет, странная жесткость подушки и боль в затекшей шее.

– Иди, – пробурчала я, ткнувшись носом в наволочку, тонко пахнущую тарийцем, – тебя никто не держит.

– Тут я бы поспорил, – ответил он ехидно, и мне пришлось

открыть глаза.

Итак, я лежу на боку, в своей спальне, на своей кровати и почти на своей половине, на мне надето... судя по ощущению, что-то надето, но это не важно. Куда важнее, что вместо подушки у меня рука му-ж-жа, в которую я невесть с какого перепуга вцепилась как в родную.

Разжав пальцы, я отпустила Инваго и накрылась одеялом с головой. Чтобы не видеть, не слышать и пристального взгляда не ощущать. Вот только одеяло не помогло, наглый тариец отогнул его край и прошептал, дыханием согревая мою щеку:

– Хорошенько отдохни сегодня, завтра будет трудный день.

– Угу...

Далее было пожелание доброго утра, мягкое прикосновение к плечу и едва ощутимое движение воздуха. Ушел. Наконец-то!

Сладко потянувшись и крепче обняв уже настоящую подушку, я протяжно вздохнула, закрыла глаза и провалилась в новый сон. Поначалу непрозрачно черный, он прояснился, обрисовав обстановку моей спальни в «Логове», отразив раннее утро за окном и темную фигуру, застывшую у кровати.

«Спишь, дрянь? А я все вспоминаю, как же сладко ты кричала у столба и как горела заживо... – Урос наклонился ниже, позволяя рассмотреть его лицо и предвкушающую улыбку»

ку. — Жду не дождусь нашей новой встречи. И поверь, в этот раз я не буду спешить к королю, моя маленькая дрянь. Я растяну наши страстные ночи, прошью их страданием и даже после смерти тебя не отпущу. Ты поняла?»

Сложно сказать, что изменилось, вера ли в Дори, в Горного, а может простое понимание, что у грани я была выше трех раз, однако, вопреки ожиданиям визитера, я не испугалась. Более того, поднялась на локте, окинула взглядом урода и предельно честно ответила:

«Нет. Не поняла, после чьей смерти вы не намерены меня отпускать. После своей, после моей, после смерти Мэнога?»

«Т-ты!» — он потянулся ко мне. И не просто руками, а черными вязкими нитями, какие были у Инваго, когда воин принял чужую силу. Всего мгновение, но мне хватило, чтобы в поисках кинжала просунуть руку под подушку и... больно уколется.

— Ай!

Сон исчез. Осталась ошарашенная я, все еще раннее утро, подушка в правой руке, кровоточащий палец на левой и крот, медленно сползающий с кровати.

Морда в крови, явно в моей, глаза перепуганные, но смотрят не на меня, а на перстень с пылающим камнем, распускающимся как цветок. Вот от него в сиянии отделился первый лепесток, второй, третий... Нет сомнений, привязанный к роду Дори зверь решил заступиться за меня, но врагов здесь нет. Во всяком случае, живьем, а тот, что был, исчез вслед

за сновидением.

– Злато... хвостый, стой! – прохрипела я и результата не добилаьсь.

Перепуганный Бузя забился в дальний угол комнаты, ткнувшись мордочкой в пол и накрыв голову лапками.

– Златокрылый... златомордый... злато... – пока я отчаянно пыталась вспомнить имя зверя, заключенного в реликвии, перстень выпустил десять лепестков, показал пестик и тычинки.

– Злато... – очередная попытка усыпить персонального стража, не так давно поджарившего меня и Инваго, оборвалась восхищенным вздохом. Лепестками оказались гребни на спине, как у мелких ящеров из подвида драконьих, пестиком – аккуратный носик, тычинками – ресницы с капельками магии на концах. Я любовалась этим чудом, пока оно не распахнуло черные глаза и не оскалилось, повернувшись в сторону дрожащего питомца Зои.

Краткий миг – и из ослепительного сияния перстня появилась огромная, увенчанная короной голова, а на кровать опустилась огненная раскаленная лапища, втрое превосходящая лапу Бузи в боевом состоянии. И она не просто продавila матрас под немалым весом монстра, она выжгла в нем дыру и, судя по запаху повалившего дыма, подпалила деревянный каркас кровати.

– Златогривый, бестолочь! – рывкнула я, с ужасом взирая на канувшее в Лету постельное белье. – А ну живо спать!

И плевать мне, что морда у него раз в десять больше лошадиной и смотрит она со злым недоумением. Но если эта скотина не умеет сдерживать свой огонь, то ну его к бесам вместе с хваленой защитой.

– И не смотри с укором. Я тебя не ждала, не звала и видеть не хотела. – Черные глазищи монстра недобро сузились, разом напомнив мне Инваго, Гаммиру и даже дядюшку Дори со стороны отца. – Бузя укусил меня по делу, чтобы разбудить и оборвать диалог с врагом. А ты мало того что опоздал, так еще и набедокурил.

Зверь выгнул чешуйчатую бровь. Ну надо же, он ничего не понял.

– Лапу с постели убери и, будь добр, не порть имущество в «Логове». Одних выгоревших покоев здесь более чем достаточно. – Нехотя он послушался, а попутно еще и фыркнул, обдав меня горячей воздушной волной.

Кожа запульсировала от жара, волосы затрещали, перед глазами все поплыло.

– Вот молодец, хорошо, что напомнил, – похвалила я, как только откашлялась. И озвучила дельную мысль: – Не дыши в мою сторону, отчаянно или нечаянно. Один раз ты меня уже поджарил, повторяться не стоит.

Обиделся, как есть обиделся и, не прощаясь, ушел. Перстень потух, я с облегчением вздохнула и рассмеялась.

– Если день начался со столь эпичного утра, что же будет к вечеру?

– Ничего хорошего, – ответ прозвучал с потолка, и на кровать рядом со мной опустилась Зои. Белокурая малышка в маечке и пижамных штанишках выглядела очаровательно, несмотря на хвостик, рожки и пылающие огнем глаза. – Я думала, Златогривый сожрет и Бузю, и меня, но ты!.. Это невероятно! Ты его отругала и отослала!

Услышав странный сип в голосе демоницы, я не сразу догадалась, а потом поняла. Ох ты ж! Да она испугалась.

– Иди сюда, – уверенно притянула ее к себе и крепко обняла, затем кивком подозвала и крота. Его, испуганно дрожащего, прижала к груди и даже немного покачалась из стороны в сторону, как когда-то мама успокаивала меня.

– Как ты смогла? – спросила Зои чуть погодя. Хвостик и рожки исчезли, глаза вернули привычную черноту, голос – беззаботную легкость. – Как это получилось?

– Нечаянно.

– Но ведь ты простой человек, а этому зверю даже дядя не указ... особенно сейчас, – печально вздохнула малышка.

– Я просто пожалела постельное белье, – ответила со смешком и щелкнула Зои по носику. – Ткань для него я сама выбирала и покупала на кровно заработанные, сама кроила детали, сшивала и обтачивала. Стирать, конечно, не стирала, но это еще не значит, что не ценю.

– Да-а-а, – протянула она, – прав был Тимка, что ты за белье кому угодно глотку перегрызешь.

– Что, так и сказал?

– Вообще-то я говорил, что шею намылит, – ответили мне, и в дверь просунулся малец. Увидев, как мы сидим, обнявшись, перед огромной дымящейся дырой в одеяле и матрасе, он удивленно спросил: – Что случилось?

– Златогривый заходил поздороваться. – В подтверждение перстень сверкнул красным проблеском.

– Ой! – Зои и Бузя разом вырвались из моих объятий и соскочили с кровати.

– Что такое?

– Зверь не спит. – Малышка прижалась к Тимке, и тот ее закрыл собой от опасной реликвии рода Дори.

– А это плохо? – встревожилась я.

– С одной стороны – хорошо, он теперь на чеку, с другой – неспящий зверь – голодный зверь. А самый крупный здесь Бузя.

– Пусть только попробует, – мрачно процедила я, и вопреки угрозе камень засиял еще сильнее, увеличился, начал делиться на гребни-лепестки. – Что происходит? – прошептала в панике.

– Ты сказала «попробовать», он спешит воспользоваться случаем, – ответила Зои, выпихивая из спальни Тимку и оттаскивая в коридор Бузю, который вновь попытался спрятаться в углу и собственных лапах.

– Да что же за утро такое! – Я поднялась на кровати и с интонацией Инваго приказала: – Златогривый, спать!

В ответ раздался сердитый рык, а затем и пара-тройка

непонятных гортанных звуков. То есть мне он что-то еще и выговаривает. Знать бы что.

– Зои?! – позвала я.

Дверь открылась и в нее вначале просунулась мордочка Бузи, а затем уже и головы детей.

– Чего он хочет? – указала на кольцо и недобро скалящуюся из него морду.

– Чтобы ты отпустила его на охоту.

– А... хорошо, пусть сам... – я еще не договорила, а малышка отчаянно замотала головой. – Под присмотром? – Я получила одобрителный кивок. – В таком случае пусть охотится возле Инваго.

– Инваго Дори будет первым, кого он сожрет, – уверенно сообщила Зои.

– А Хран?

– Дядя будет вторым.

– И кто его в таком случае выпускает и контролирует? – спросил Тим, чуть шире открывая дверь.

– Носитель реликвии должен, – ответила малышка. – Не знаю, как у вас здесь, а у нас в чертогах владельцы таких питомцев сами с ними на охоту летают, жертву одобряют, а иногда еще и дегустируют.

– Демонов и недодемонов едят? – изумилась я.

– Кабанов, косулей, лосей, оленей и прочих, – ответили мне и указали на Бузю. – У нас другой мир, а это, если помните, крот.

Чтоб тебя!.. Крота в боевой трансформации я помнила прекрасно, представила оленя и мысленно осенила себя святым знаком Кудеса, а затем и Иллирии.

– Я никуда с ним не полечу! – В отличие от меня зверю переводчик не требовался, из перстня тут же раздался низкий вибрирующий рык. – Разве что после обеда, – изменила я мнение и достигла всеобщего согласия.

Зверь затих, Зои и Бузя в очередной раз свободно выдохнули, Тим заявил:

– Я с вами!

– Нет. – Мой ответ прозвучал визгливо.

– Не стоит. В первый раз только зверь и она, – неожиданно поддержала меня малышка. Подхватила своего питомца на руки и проказливо добавила: – А вот потом обязательно! Я покажу тебе свои любимые места.

– О которых рассказывала? – обрадовался братец.

– Да! Огненный водопад, террасу из костей в склепе Харко, Малиновый венец, Кровавый сход, Созвездие мрака и даже замок нашего правителя...

– Какого правителя? – Вопрос получился сиплым из-за накотившего страха.

– Нашего! Самого главного. – И не успела я озвучить свое безоговорочное «нет», Зои слезливо пожаловалась: – Из-за дядиноного проступка наш троюродный прапрапрапрадед совсем не хотел нас там видеть и запрещал посещать свой сад. Но с твоим зверем примет обязательно!

– Это еще почему?

– А златогривых хайо остались единицы, – ответила она, ничего толком не объяснив, и потащила Тимку на выход. – А еще мы посетим Белую бездну, где живут неприкаянные духи. И Оковы страха обязательно нужно внести в список прогулочных мест, там в прокат дают самые быстрые колесницы!

Дверь закрылась, я зажмурилась, старательно прогоняя страх и проговаривая про себя: «Я молодец, я справилась! Я молодец... Я молодец. Я справилась сейчас, я буду справляться и дальше. Я...»

– Ты справилась! – Матрас ощутимо прогнулся, дрожащие руки оказались в плену уверенных горячих пальцев, и голос Горного вырвал меня из медленно засасывающего омута. – Тора, радость наша! Я никогда в тебе не сомневался, ну а теперь и вовсе покорен! Ты сама справилась со Златогривым! Отругала и заставила себя уважать...

– Я не заставляла, – ответила жестко. – И где ты все это время прятался? Опять в углу стоял или, как Зои, висел под потолком?

– Я был далеко и несколько занят.

– Чем занят? – распахнув глаза, мрачно уставилась на рогатого хранителя рода Дори и обомлела. Ранее ополовиненный демон теперь был виден лишь по грудь, на которой красовалась огромная трещина, наполненная лавой. – Хран?!

– Не пугайся, скоро зарастет, – отмахнулся он частично

потухшей рукой.

– Но откуда?

– А это кое-кто сверх меры деловой решил разобраться с долгом перед Адо и взялся за сложный заказ. – Покосившись на меня с усмешкой, Горный по секрету добавил: – И этот кое-кто очень хочет взяться за увеличение своей семьи.

Инваго?

Я не сдержала судорожного вздоха.

– Он решительно настроен? – Мысль о том, что тариец в последние ночи в чьих-то объятиях усиленно работает над продолжением рода, я отвергла. В моей жизни подонки встречались, Дори не из их числа. Хоть у него и дурацкие шутки.

– Сам удивлен, – хмыкнул Горный, похлопал меня по коленке и с цепким прищуром сообщил: – От нашего Гилта я подобного не ожидал.

– А?.. – протянула я, и довольный моей реакцией демон ухмыльнулся шире.

– Асд вскоре тоже включится в гонку на спор «кто быстрее долг отдаст».

– Я о другом...

– О Суо говорить нечего, у него семья уже была, и не одна, а помимо законных жен при жизни имелась еще и пара-тройка любовниц...

– Хран! – оборвала я наглого демоняку. – Инваго тоже участвует в этом?

– Вообще-то он это и начал. Вот как только тебя в храм за-
тащил, так в свою цель и уверовал. – Мое оторопелое «Что?»
потонуло в довольном: – Н-да, вид голых женских ног еще
никогда так резко не менял взгляд мужчины на мир.

Горный приложил когтистую ладонь к груди и поморщил-
ся.

– Больно? – испугалась я.

– Нет, просто представил, что было бы, увидь Инваго, как
ты в одной рубашке на четвереньках уползаешь. Уверен, они
бы уже тогда из заданий не выбирались, лишившись сна.

– Да чтоб тебя!.. – Я стукнула его по плечу.

– А вот теперь больно, – заявил увалень рогатый и потре-
бовал: – Торики, а принеси коньяка.

Я не успела ответить, неожиданно на все «Логово» про-
гремел хриплый голос:

– Обойдешься! Вдовийский ублюдок! – И кто-то нетвер-
дым шагом направился к лестнице.

Чувствую, не будет сегодня спокойного дня. И надо бы
скорее снять магический полог с кухни, иначе каждый чих
громким эхом разносится по моему детищу.

– Это что за мужик? – Хран подошел к стене и сквозь нее
выглянул в коридор. – Голос незнакомый, а интонации точь-
в-точь как у Гаммиры.

– Это она и есть. Тороп вплотную взялся за ее перевоспи-
тание, а попутно пытается снять блок с памяти.

– То есть у них прогресс?

– Трудно сказать, – протянула я, припоминая, как наш во-
яка топил свекрессу.

И, словно в подтверждение моих слов, на все «Логово»
разнеслось:

– Стой, ненормальная! – И куда более решительные и тя-
желые шаги прогрехотали по коридору.

– У них прогресс, – подвел черту демон и вылез из сте-
ны. – А раз у вас все хорошо, то я пошел.

– Куда?! А как же охота со Златогривым? Знаешь, если
ты возьмешь его на себя, я достану ящик превосходного ко-
ньяка.

– Спасибо, но откажусь, – отмахнулся Горный, – ты зря
сомневаешься в звере. Не волнуйся, он сам добычу разыщет,
завалит и к тебе принесет. Твое дело лишь отвесть, – заявил
приглушенно, а затем еще тише добавил: – И под лапы ни-
кому не попасть, ну и в пасть не угодить, и на шипы не на-
пороться, а еще избежать удара хвоста... А впрочем, не пе-
реживай вообще. Если что и случится, зверь сам тебя с того
света вернет.

– Что?! – Я вскочила с кровати.

– Словом, ничего страшного, – развел Хран руками и ис-
чез, сказав напоследок: – Главное, Златогривого не зли, ина-
че он твою внешность подправит.

Глава 5

То, что у зверя характер под стать всему роду Дори, стало ясно, едва наступил час расплаты. Кое-как запихнувшая в себя моченое яблоко и четвертинку булочки, я неожиданно оказалась в подземных чертогах. Нетронутая чашка с кофе – маленькая радость перед «смертью» – выпала из ослабевших рук, покатилась по скале и со звонким «Буль!» исчезла в огненном море.

– Да чтоб тебя! Ты совсем охамел, Златогривый! – ругнулась я в голос. И только оглянувшись, поняла, что зря надрываю горло, зверя рядом не было. И вдалеке он тоже не наблюдался.

Впереди – мерно накатывающая на берег лава, сзади – жуткий лес-исполин, справа – чья-то нора, слева хорошо обглоданные кости и рогатая черепушка в два моих роста. И если это была жертва, то хищник явно больше, поняла я и с опаской покосилась в сторону норы. В ней что-то было опасное и зловещее. Оно шевелилось и шипело, пробираясь наверх. Испуганный йик я подавила в зародыше и даже не шевельнулась, когда из темных глубин выползло нечто змееподобное с костяным гребнем и чешуей, топорщащейся иглами. По размерам монстр был чуть больше Бузи, но его оскал впечатлял до нервной дрожи, особенно когда змей приблизился на расстояние вытянутой руки, дабы обнюхать, наде-

юсь, гостью, а не еду.

От шумного вдоха меня качнуло, от выдоха отшвырнуло назад, в объятия черного папоротника с красными иглами на стеблях. Сидя в нем, я ошеломленно проследила за тем, как змей, словно боясь упустить меня из виду, боком сиганул в море, подняв тучи лавовых брызг. Испугался! Значит, Златогривый здесь...

Радостная, я подскочила на ноги, обернулась, готовая вылить свой праведный гнев на золотую сволочь, и... снова села. На берег пришел отнюдь не златогривый хайо, скорее крыс колоссальных размеров. Это из-за него змей сбежал прыжком, а я в который раз помянула богиню Иллирию и ощутила себя букашкой, причем аппетитной. Серый крыс, сплошь покрытый броней, тоже не побрезговал моей более чем маленькой персоной. Нюхать не стал, сразу решил проглотить, раззявил пасть и... отскочил как ошпаренный. Завертелся, лапами скребя по скале, увидел нору, бросился к ней, но не сумел туда протиснуться. Что-то темное длинноногое ухватило крыса за хвост и утянуло вверх, раздался оглушающий писк, хруст костей, чавк... и наступила тишина.

Оборачиваться и смотреть, кто пришел на этот раз, я не стала. Продолжила посиделки в объятиях папоротника. Ведь если лапы новоприбывшего зверя не золотые и не знакомые, вскакивать бессмысленно. Вот я и просидела появление кого-то зеленого пупырчатого и кончину темного, затем по-

бег зеленого от крылатого ядовито-синего. Последний, к слову, ни от кого убегать не стал, после сытного обеда решил прилечь на берегу и провалился. Удивленное «мря?!» и довольное «хрум!» сопровождали его скоропостижную кончину. На этом круг поеданий не завершился, а только начался. Что за монстр притворялся бездушной скалой, я не рассмотрела. Только хвост запомнился с костяным сердечком, когда огромное красное щупальце утянуло чудовище в лавовое море.

Здесь была смерть, одна лишь только смерть. Неудивительно, что демоны стремятся к нам. В стабильность. Я потеряла лицо, уже не обращая внимания на схватку морского чудовища с покусившимся на него прибрежным деревом или не-деревом. Вздохнула с безысходностью, потеряла походившие от страха руки, и только сейчас заметила целостность кольца на пальце. Камень был на месте, то есть зверь сидел в реликвии.

– Ох ты ж бестолочь! – прошипела, с возмущением осознав, что Златогривый нигде не прятался, он все это время был здесь... слушал и чего-то выжидал или кого-то.

Вот тут-то меня и настигла мысль, что я была приманкой, спровоцировавшей серию последовательных монстропоеданий, ради привлечения наиболее крупной особи. Особи, встреча с которой вряд ли сулит мне проблемы с внешностью, скорее уж прощание с жизнью.

– Златогривый, чтоб тебя заморозило и к полу припечата-

ло! – не на шутку взъерилась я и встала из папоротника.

А вокруг странная неподвижность, настороженная, и только кто-то огромный на заднем фоне с хрустом вырывает хищное дерево из земли. Оглянувшись, поняла, что такая громадина вряд ли позарится на меня, потому и продолжила гневно отчитывать камень:

– Ты что себе позволяешь, гадость мстящая? Ты меня предупредил? Ты разрешение спросил? – А в ответ тишина, просто-таки созданная для возмущенного крика: – Это как, вообще, называется?!

«Ается-ается-ается!» – улетело вдаль и вернулось с неожиданным «Фу!», прозвучавшим надо мной и принесшим запах тухлых помидоров. Медленно, очень медленно я подняла глаза от сильнее засиявшего перстня. Узрела нос размером с конюшню, что еще недавно в моем «Логове» целой была, и просипела:

– Злат... Зла... – полностью прозвище зверя произноситься никак не хотело, именно поэтому я его сократила, искренне прося: – Златя, тут к тебе при-пришли... пожалуйста, выйди.

Кольцо полыхнуло огнем, громадный нос сморщился, а я поняла, что ноги меня не держат.

На мою удачу, повторять не пришлось, зверь выбрался из перстня мгновенно. Многократно увеличившись в размерах, он опалил жаром меня и напугал чудище с носом и, как оказалось, с рогами. Знать не знаю, был ли это лось или дру-

гая крупнорогатая живность подземных чертогов, но через лес он ринулся с невероятной для своих размеров скоростью. Только что был здесь, и вот уже нет, лишь быстро удаляющийся шум ломаемых деревьев выдал поспешность его отступления. И эта паника объяснима. Златогривый действительно был ящером из драконовых. Огромный, крылатый, огненный и очень голодный. Он щелкнул зубами так, что дурно стало не только мне, но и всем зверюшкам, притаившимся на побережье. Треск ломаемых сучьев втроекратно усилился, топот многочисленных лап, ног и ласт тут же дополнил испуганный вой и противный визг.

Я села под ставший родным папоротник, зажала уши и крепко зажмурилась. Потому что к пыли, поднятой сбегаящими монстрами, добавилось каменное крошево от одного лишь взмаха золотых перепончатых крыльев, а затем и куски ветвей, что посыпались, едва Златогривый приступил к охоте. Его боевой рык, переходящий в рев, звучал над лесом, отражался от дальних гор, от сводов подземного мира и добрых пятьдесят минут будоражил округу устрашающим эхом. За это время я частично успокоилась, пыль осела, открыв совершенно новый пейзаж морского берега. Лес отступил на добрых пару сотен метров, склон оказался куда более пологим и пустым, спуск к огненной воде теперь устилал крупный песок багряно-красного цвета. Единственными украшениями безжизненной суши оказались кости с рогатым черепом, нора и отползающий от меня куст папоротника.

Прекрасно понимая, что без него мне придется прятаться в норе или в костях, я попыталась ухватить предателя за лист. Куст мой маневр раскусил, отпрыгнул и завис в воздухе черно-красной многокрылой стрекозой с очень недобрым взглядом на жуткой морде. Не испугалась лишь потому, что представителя флоро-фауны незамедлительно прихлопнули черной иглой. Есть не стали, ухватив черным хвостом, отшвырнули далеко в море и, судя по шороху, подползли ко мне.

– Зла-а-ат, тут опять к тебе, – позвала я совсем тихо и добавила с дрожью: – Либо за мной.

Второе вероятнее. И это насмерть пугало.

Упавшие на песок черная тень и пара огненных капель отбили всякое желание оборачиваться и бороться за жизнь в этом мире поеданий. Я застыла, ожидая своей смерти, а дождалась лишь того, что монстр лег. Свернулся вокруг меня широким кольцом черного змеиного тела, судя по тени, подпер голову хвостом и вздохнул. Меня качнуло от вдоха, затем от выдоха... опять от вдоха и от выдоха... и снова от вдоха. На пятом таком «тычке» я плюнула на животный страх добычи и села. Теперь от движения воздушных масс трепетали только мои волосы, вперед-назад, вперед-назад. Так, словно концентрированные на мне вдохи-выдохи не что иное, как издевательство над жертвой.

– Да лучше бы сожрал уже, – буркнула я.

– Мг-мг-ш-ш-ш-шь! – раздалось глумливое в ответ.

– Или пожевать попытался, открыв очередное монстропоедание... идея лучше некуда!

– Мгм, – покладисто согласились со мной. Я от удивления обернулась.

Змей! Это был тот самый змей, что обнюхал меня и отпрыгнул в море при виде серого крыса монстроподобного. Этот черный шипастый гад возвышался надо мной на три головы, смотрел с ехидным превосходством и улыбался, как демон, во все клыки. Есть меня не собирались. Мысль что это чей-то разумный домашний питомец или просто свободный разумный монстр вначале обрадовала, а затем и разочлила.

– Да чтоб тебя! – ругнулась я, вскакивая на ноги.

– Ш-ш-ш! – то ли ответил он, то ли предупредил и хвостом указал вверх и влево.

Златогривый возвращался. И его с нетерпением ждала не только я. Змей дрожал от предвкушения не то встречи, не то оплеухи за покушение. Восторженно смотрел на приближение золотого крылатого зверя и облизывался, давясь слюной, а может и ядом. Пара капель упала на мой рукав, отчего тот мгновенно стал дырявым.

– Аккуратней! – Я попыталась отойти, а добила лишь того, что была с силой усажена на место. Шипастым хвостом усажена, отчего к прожженным дырам добавились рваные.

И все это на глазах у Златогривого, принесшего добычу в количестве двух штук. Огромную рогато-носатую ту-

шу и мелкую зубастую, вернее, относительно мелкую. Эта тварь при жизни была размером с двухэтажный особняк. И ее же зверь бросил «к моим ногам», дважды напугав этим жестом. Вначале я вздрогнула от неожиданности, а затем уже от маленького землетрясения, омерзения и примешавшегося к нему ужаса. Хран говорил, что добычу зверя на охоте мне следует отведать, но не уточнял при этом, что добыча будет столь огромна, сыра и...

– Он живой!

– Мгм! – заметил змей, и в зубастого монстра полетела уже знакомая черная иголка с загривка гада ползучего.

Монстр издал предсмертный вздох, а я – пред-обморочный вскрик, когда Златогривый оторвал от туши лапу и толкнул ее в мою сторону.

– Он сырой!

– Мгм, – опять согласились со мной.

Лапа незамедлительно была поджарена мощным огненным выдохом и подвинута ближе.

– Я не могу... – ответила сипло.

– М-м-м-м-му-у-м! – не поддержал меня змей и с аппетитом принялся за подношение – сырую тушу.

В процессе трапезы он еще умудрялся произнести благодарственное: «Мг-мг!», а зверь рода Дори с довольным видом что-то порывивал в ответ. В первые мгновения я не понимала происходящего, а затем словно бы с высоты посмотрела на прошедший час и пришла к удивительному выводу.

– Так приманкой была не я?! Приманкой был этот черно... черночешуйный? – нашла я ему определение, а может, и имя.

Мне ехидно улыбнулись, причем оба.

– А предупредить нельзя было? – возмутилась до глубины души беззаботностью Златогривого. – Слушай, ты самодовольная, эгоистичная...

На этом меня остановили взмахами золотой лапы и черного хвоста. Монстры к чему-то настороженно прислушались, обменялись взглядами, а после продолжили, один есть, второй с ехидцей смотреть на меня. Слова закончились, желание разобраться со зверем-мерзавцем тоже. Выдохнув, я перебралась через шипастое кольцо змеева тела и пошла к морю, не обращая внимания ни на вопросительное «Мгм», ни на золотой хвостище, попытавшийся преградить мне дорогу. Я проскочила под ним и уверенно пошла вдоль лавового прибоя.

– Закончите, позовете...

Далеко уйти не удалось, передо мной на песке появилась словно пульсирующая светом пентаграмма. Ярко-красные руны, ядовито-зеленые линии и монотонный глас, призывающий ступить на рисунок и активировать переход. Разобрать слова было невозможно, призыв чувствовался нутром. Наступить как можно быстрее, пока не... Что «не», осталось не ясно, появившийся рядом змей сунул голову за пределы ярко вспыхнувшей пентаграммы, словно в портал, нашипел

на кого-то визгливого и отполз от дрогнувшего контура, утащив с собой окорок внушительного размера. В следующее мгновение пентаграмма сжалась и исчезла, а довольный гад уполз пировать.

Покосившись в сторону Златогривого, заметила его пристальный черный взгляд и тут же отвернулась, намеренная идти дальше. Но стоило сделать лишь пару шагов, как рядом развернулся новый магический контур. В этот раз скользящая по песку пентаграмма была не круглой, а многолучевой, синей и куда более мощной, чем первая. Ее пульсацию я почувствовала ногами, а призыв услышала как наяву.

«Сильнейший из демонов Ограт, прошу о помощи, молю о спасении!»

Звала девушка отчаянно, с надрывом, и именно ей кто-то сторонний, куда более взрослый и умудренный опытом, сообщил: «Плохо, Мина. За практическое занятие я засчитываю вам трояк, а теорию вы мне вновь пересдадите».

«Но почему, профессор?!» – спросила она, забыв о слезливом сипе.

«Вы обращаетесь за помощью к одному определенному демону. А быть одним из сильнейших унижительно, не находите? Это во-первых, а во-вторых...» Пентаграмма потухла, оборвав пояснения профессора на полуслове, а из-под земли неожиданно поднялась целая группа конусообразных камней, следом за ними пара-тройка папоротников и небольшое серое деревце с продолговатыми листьями... Берег «ожи-

вал». Во избежание проблем я решительно вернулась к Златогривому и Черночешуйному.

Черный гад давно управился с дарованным монстром, и теперь подле костей с рогатым черепом лежала горка костей с зубастым черепом, а сам змей любовно обнимал уворованный окорок и надышаться на него не мог. Злат не ел свою рогато-носатую добычу. Он сидел все на том же месте, в той же позе, и только взгляд его скользил вслед за мной, а кончик хвоста подрагивал нервно. Подойдя ближе и окончательно убедившись, что зверь есть и не начинал, я задрала голову, посмотрела на него с укором.

– И чего ты ждешь? Сумерек?

Промолчал с явным осуждением.

– Пришествия второго оленя?

На его огромной морде медленно поднялась бровь.

– Моей смерти от страха и голода? Оваций за прекрасно проведенную охоту? Или благодарность за пережитый ужас...

Бровь опустилась, морда фыркнула и начала уменьшаться. Вначале до размеров рогато-носатой туши, затем до размеров зубастого и ныне обглоданного монстра, когда же он стал ростом со змея, с интересом наблюдавшего за нами, я не выдержала и вспылила.

– Ты что, обиделся?! Опять? Ну, знаешь, это уже самое настоящее свинство. И тут не ты, а я обижаться должна и биться в истерику должна я. Это меня без спроса вырвали в

подземные чертоги, меня напугали до дрожи, меня оставили одну на берегу среди всех этих монстров, а после чуть не пришибли зловонной тушей...

– Нумгу! – не согласился со мной Черночешуйный, но внимания я на него не обратила, будучи сосредоточенной на приближающемся звере и мысли – не подпустить его к перстню. Если он эту охоту не засчитает, я вторую такую не вынесу.

– И все это в абсолютном молчании и с полной уверенностью в своей правоте! – рявкнула я, и эхо опять подхватило отчаянное: «Воте-воте-воте!». – Так что не смотри на меня и не дыши в мою сторону, жри давай эту зверюгу и возвращай нас в «Логово»!

Окончание ультиматума я произнесла севшим голосом, потому что Златогривый не просто приблизился, он ткнулся в меня носом и толкнул на песок с явным намерением попробовать на зуб. Не к месту вспомнилось предупреждение Горного о поправленной внешности, а также то, что все свое оружие я по совету Зои оставила дома.

– Златя... – позвала я и получила укоризненный фырк. Не нравится. Хорошо, назовем короче: – Злат? – произнесла вопросительно и, не дождавшись возмущения с его стороны, несмело попросила: – Пожалуйста, не кусай. Ты не маленький Бузя, – тут уже фыркнул змей, – и я такого прощать не бу...

Окончание я проглотила вместе с вскриком ужаса, пото-

му что этот самый не Бузя поступил в точности как крот. Он меня лизнул, да так, что не только лицо мокрым стало, но еще грудь и живот. И, не дав мне отдышаться, шмякнул на колени внушительный шмат мяса и зажарил его дыханием. От куска пошел дымок и восхитительный запах, от меня – отборная брань. Я обрушила на Златогривого весь бесценный запас знаний, собранных за три года жизни на заставе, кое-что из родного города Гъяза и пару словечек от мужа и хранителя рода, коих мысленно пообещала убить. Если зверь способен изъясняться лишь знаками, то они-то могли объяснить суть охоты, но в очередной раз промолчали. Сво-лочи.

– Да чтоб вас всех! – буркнула я под конец пламенной речи и воззрилась на Злата. – Мне нужно это попробовать?

Кивнул.

– Много?

Он прищурил правый глаз и неопределенно покачал головой, мол, решай сама. Я и решила, что мне хватит вот этого небольшого хорошо прожаренного кусочка, что так легко отслаивается от шкуры, и вот этого, и вот этого, и этого, и... Мясо оказалось сочным, нежным, вкусным и чуточку пряным, как «мраморная» свинина Торопа, которую он готовит только по большим праздникам. Утро было тяжелым, я была голодна, но, взяв пятый, а может, и седьмой по счету кусочек, поняла, что предыдущих мне более чем достаточно и для насыщения, и для завершения охоты.

– Златогривый, с меня хватит. Забери его, пожалуйста, – попросила я, указав на выданный мне кусок.

Он аккуратно подцепил его зубами и проглотил с довольным урчанием и победным рыком, после чего меня, ошеломленную и в очередной раз оглохшую, вернули домой. В мою собственную спальню, на родную кровать и, как оказалось, под бок Инваго. Мое явление он не столько ощутил, сколько учуял.

– Мм-м! Судя по запаху, охота прошла удачно.

Уверенная рука скользнула по бедру вверх и притянула меня ближе к тарийцу.

– Угу, – выдала я, все еще не придя в себя и мысленно пребывая в подземных чертогах.

– Ты отведала мяса и поделилась им со зверем?

– Угу...

– И теперь ты под его абсолютной защитой. – В этот момент тариец с исследовательским азартом пустился ощупывать мой живот, ребра, грудь... До последней не добрался, напоровшись на рваные и прожженные дыры в одежде, отчего не на шутку встревожился. – Тора?

– Угу? – издала я полувопросительно и слезливо.

– Торики, что случилась?

Он уложил меня на спину, заглянул в глаза, и ответом ему стало писклявое «у-у-у!» перешедшее в безобразную истерику. Я вцепилась в отвороты его рубашки и заревела навзрыд. Между всхлипами срывающимся голосом умудри-

лась попросить, чтобы он меня вырубил своим коронным «спать!». На что Дори ответил отказом, ибо поплакать мне нужно. А лучшее лекарство от расстройств он «прописать» не в силах – устал, да и я сейчас вряд ли соглашусь на постельный курс.

А, ну раз плакать нужно, получай!

Я в деталях припомнила все от нашей первой встречи до последнего его произнесенного слова. И из сказанного получилось, что во всех моих бедах виноваты Инваго и пестуемая им скрытность. Тут бы ему признаться во всех грехах, но он не был бы тарийцем, если б не заявил:

– Я ничего не понял и не знаю, что сказать.

– Так т-ты не-не хо-о-чешь и... и... извиниться? – просипела я, ощущая как во мне поднимается буря злости.

– Так ты этого ждешь? Прости, я действительно не услышал, – заверил он и, посмотрев в мои глаза, вкрадчиво произнес: – Извини, – помедлил и лукаво поинтересовался: – Так что... этого достаточно?

– Нет!

Я вырвалась из его объятий с намерением подправить внешность этой бестолочи, на что он со смешком заявил: «Так и знал» – и усыпил меня приказом из пяти проклятых букв.

Глава 6

Проснулась от собственного стога, распаленная, тяжело дышащая, мокрая. И если два последних пункта можно было списать на наличие горячего тарийца за спиной и его тяжелой лапищи на моей груди, то первое только на сон. Странный и пугающий. Мне снилось бушующее огненное море и то, как я в нем тону в волнах под доброжелательный голос Инваго: «Тора, прекрати драться... Ничего плохого я не делаю!» И стоило о нем подумать, как рука воина сместилась на мой живот, погладила его чуть шершавыми подушечками пальцев и спустилась ниже.

Ну уж нет! Я перехватила горячую лапищу в области бедра и с удивлением услышала:

– Все-таки проснулась. Жаль...

Хрип со сна изменил его голос, последнее слово я едва разобрала, но интересоваться сожалениями некоторых наглых даже не подумала.

– Проснулась, – процедила сквозь зубы и сжала конечность, коей он пытался меня приласкать. – И как это называется?

– Доброе утро, дорогая, – ответил воин с протяжным вздохом, повернулся на живот, обнял подушку свободной рукой и... Уснул?

– Инваго? Дори! – От него ни звука. – Талл... – вспомни-

ла я первое имя му-ж-жа и мгновенно оказалась под его обладателем, рыжим, взлохмаченным и тяжелым.

– Что? – спросил он, пристально глядя на мои губы. – Вспомнила наконец-то, как мужа нужно будить, приветствовать и поздравлять с добрым утром?

Уже готовая расспросить его об обещанном ранее и в до-весок о Златогривом, я изумленно распахнула глаза.

– Ты и так проснулся. Не собиралась я тебя приветствовать и... Что значит поздравлять?!

– Ну как же... – протянул он глумливо. – Четвертая ночь в твоих объятиях, а я все еще жив! Не согласна? – заглянул в мои глаза и лучезарно улыбнулся. – А ведь точно, это не ты меня, а я тебя должен поздравить.

– В смысле? – еще не успела уловить ход его мыслей, а Инваго уже постановил:

– Молодец, сдержалась – не убила супруга, поздравляю!

Вопреки напору, звучащему в голосе, прикосновение его губ было томительно нежным, коротким и вопрошающим. Вопрос содержался также и в напряженном синем взгляде, коим воин впился в меня, явно чего-то опасаясь. Чего он ожидал, я не знаю, так как мои собственные ожидания безжалостного натиска растаяли под трепетностью поцелуя. Именно поэтому, ошеломленная и в какой-то мере растерянная, я не воспротивилась еще одному прикосновению и еще одному, и еще... затем и чуть более настойчивому, который против воли вызвал отклик. Я закрыла глаза. И бо-

лее того, потянулась за отстраняющимся Инваго, как назло, решившим прекратить поздравление серией коротких целомудренных поцелуев.

Тяжело дышащие, мы замерли. Я, прикусив губу, опираюсь на локти, он, затаив дыхание, удерживает себя на вытянутых руках. Этот несдержанный захватчик мне не нравился, он мне совсем не нравился. Он – нет, а вот его поцелуи... К таким легко привыкнуть и потерять себя.

– Продолжим или остановимся на достигнутом?

Провокационный шепот раздражает слух хрипотцой, вот только я старательно не ведусь на уловку недодемона. Прикрыв глаза, медленно досчитала до двенадцати и напомнила себе и ему о том, что он обещал рассказать.

– Обязательно продолжим, – выдохнула я, дождалась проявления радостных искорок в глазах напротив и повторила его же слова: – Но не сегодня. И не завтра. Я на неделю отбываю в усадьбу главы рода Дори, чтобы замолвить словечко перед твоей мамой?

– Вот, значит, как... – воин с ходу понял мой намек, прищурился.

– Так, – ответила твердо, – и пока ты не расскажешь, что обещал, продолжения не будет.

Теперь мы смотрели друг на друга, как два противника. Причем один из них не представлял, что сейчас выдаст другой. Уж кто-кто, а чистокровный тариец мог вывернуть мои слова наизнанку и выдвинуть абсолютно нелогичные усло-

вия. Что он и сделал с предовольной улыбкой:

– То есть я рассказываю, а ты меня целуешь? Отличная схема! Целуй, – заявил этот умник и потянулся ко мне.

– Нет, погоди. Даже в твоей схеме первым рассказываешь ты, а уже потом... – С трудом отвернувшись, по глупости подставив ухо, которое незамедлительно прикусили, посылая по телу щекотный холодок.

– Торики, дорогая, – он оторвался от смакования мочки и перешел к легким поцелуям скулы, – у нас минута до твоего отбытия, я рассказать ничего не успею, а вот ты поцеловать – вполне.

– Что? – спросила я, поймав его сияющий довольством взгляд.

– То! – ухмыльнулся он, прежде чем накрыть мои губы.

Голодный поцелуй, с головой выдающий потребность во мне, был сродни снежной лавине. Я захлебнулась от ощущения нужности и нежности, с которой ее предъявляли. Дрожащими руками вцепилась в плечи Инваго, а затем без страха, без зазрения совести за шею притянула его к себе, чтобы не утонуть в огненном море, что вновь затопило всю мою сущность. Увлеченная страстью мирного воина, я позволила себя поднять, усадить на мужские колени и притиснуть к груди. С упоением отметила сдержанность его рук и ускоряющийся ритм рвущегося наружу сердца. В стремительном стуке потонули все мои мысли и звуки внешнего мира, начиная с нашего шумного дыхания, заканчивая учтивым по-

кашливанием из угла.

– Кхм-кхм! Кхм? Гм... Простите, что прерываю, но нам уже пора.

Кому пора, тот пусть и идет, рассудила я, продолжая наслаждаться законным порывом не менее законного супруга.

– Тора?

«Тут нет такой», – мысленно ответила я, запустила пальчики в волосы Инваго и поцарапала его затылок в соответствии с давними желаниями.

– Инваго?

– Мм-м... – раздался стон от слегка оцарапанного. В отместку он решил окончательно лишить меня дыхания. Да так, что я пропустила мимо ушей слова, набатом раздавшиеся над нами.

– Мы опаздываем!.. Эванжелина и девочки уже стоят в усадьбе под дверьми вашей спальни... Вильгем Дори уже забронировал аудиенцию с главой рода... Да что ж такое! Нашли время, чтоб сорваться с цепи... – Демон умолк на несколько мгновений и задумчиво проговорил: – А впрочем, не вы одни, Тороп и Гаммира уже активно работают над продолжением рода.

Эта новость была столь ошеломительной, что моментально оборвала затяжной поцелуй и почти сразу же вернула ясность восприятия.

– Что?! – Мы оторвались друг от друга с удивлением обернувшись к улыбающемуся Храну.

– Наконец-то! А я уже и не знал, чем еще вас огорошить: водой из кувшина или разрядом молнии.

Оба предмета уже имелись в его руках, отчего последующая улыбка демона казалась особенно зловещей.

– С добрым утром, голубки. Вижу, обмен приветствиями вам уже не нужен, сразу перейду к делу. Инваго, тебя уже заждались, Тора, тебя тоже. Поэтому, будь добра, слезь с его колен. А ты оставь ее белье в покое...

Проследив за взглядом демоняки, я покраснела, попыталась запахнуться и сбросить с себя вдруг напрягшиеся мужские руки.

– Пошел вон! – рыкнул Дори, и Хран, как никогда довольный, ретировался за дверь.

Повисшее в спальне молчание было не то чтобы тягостным, но каким-то напряженно ломким, и оттого прозвучавшие слова были сродни галлюцинации.

– Извини... Пусть об охоте я и знал меньше Зои, но должен был хоть как-то предупредить о неожиданностях. Да и с этим уговором о поцелуе в счет ответов ничего не получилось... – Он усмехнулся с едва заметной горечью.

Оторопело подняла глаза на Инваго. Не получилось? Только что я чуть ему не отдалась, а он говорит – не получилось.

– Я искренне благодарен тебе за спокойствие...

Сомнительная благодарность, особенно если учитывать мою вчерашнюю истерику. Но я молчу в ожидании дальней-

ших слов.

— И еще больше я благодарен тебе за терпение и понимание, что на это все я имею полное право. — Окинув меня говорящим взглядом, он медленно вытащил руки из моего белья, погладил спину и вернул их на талию. — Несомненно, я буду ждать. — Упрямая твердость в голосе и вынужденная констатация факта: — Но временами мне очень сложно сдержаться.

Что ж, глаз за глаз, откровение за откровение.

— Мне тоже сложно удержаться от слез и обвинений, однако я рада, что мои всплески воспринимаются тобой со стойкостью и проклятым юмором, — ответила ему со смешком и в благодарность примирительно поцеловала.

Вернее, попыталась поцеловать, но моя попытка увенчалась лишь едва уловимым прикосновением к обветренным мужским губам, потому что Хран спешил и почти что вырвал меня из вновь сжавшихся рук Инваго. Перемещение в столицу Тарии посредством огненного моря на этот раз было сродни увеселительной прогулке. Я не испугалась, не задержала дыхания, да и вообще не заметила движения, все еще пребывая в прострации от незавершенного поцелуя и мысли: «Я сама к нему потянулась!»

К тарийцу. Сама. Безоружная. Это откровение меня поразило.

— Я, конечно, предполагал, что когда-нибудь вы двое перестанете брыкаться. Но кто ж знал, что просветление придет

не вовремя, — выхватив меня из лодки и подняв на поверхность — в спальню, где я проснулась три дня назад, Хран с улыбкой пожурил: — Не стоит так смотреть и вздыхать, Тора. Я действовал исключительно в ваших интересах. И благодаря моему своевременному вмешательству тебе не придется сожалеть о своем порыве, а Инваго о нем останется только мечтать.

Спорить не буду, но возникает вопрос:

— Что ж ты не вмешался в дела Торопа и Гаммиры?

— А куда там вмешиваться? — Демон обернулся тростиночкой и всплеснул руками, уже девичьим голосом сообщив: — Она, связанная, спит на кровати, он на полу... бдит. Поражаюсь вашему вояке! На его месте я бы эту гримзу уже раза три прибил, а он терпит.

— Так ты соврал?

— Слукавил ко всеобщему благу. Но кто знает, кто знает...

Мои возмущения черноглазая красавица прервала щелчком пальцев и предложением занять нужную диспозицию, а именно залезть в ванную со взбитой пеной, дабы стереть запах подземных чертогов, смыть красный песок и скрыться от глаз любопытных.

— Не поняла, каких глаз...

— Лезь в воду, здесь уже не только свекровушка, — шикнула тростиночка, подтолкнула меня в сторону ванной комнаты и исчезла, чтобы уже кому-то в коридоре сообщить, что супруга главы рода Дори все еще не готова кого-либо при-

нимать.

Причина более чем веская, однако я не успела даже шагнуть в направлении ванной, как вдруг в спальню через другую дверь вломились разодетые в пух и прах дамы возрастом от пятнадцати до пятидесяти пяти лет, а с ними прислуга: пара горничных и с десятков вооруженных воинов из охраны. Воспоминание о том, что в семействе Дори из-за реликвии убивают, мелькнуло и ушло, как только я поняла, что воины стоят кольцом вокруг одной определенной особы и именно она восклицает: «Мне не нужна эта грязная вдовийка. Мне нужен Талл... Только он поможет, он и наша реликвия!»

– Вы хотели сказать – Инваго, – мрачно усмехнулась я и сложила руки на груди, не пытаясь ни спрятаться, ни прикрыться. Наличие перстня на моем пальце было замечено сразу, отсутствие одежды – также. Мужчины, как ни странно, отвели глаза, женщины частично возвели очи к небу, частично уставились на мои ноги и рванье, ранее именовавшееся рубашкой.

Заглянувшую в дверь за их спинами тростиночку, явно ругнувшуюся и решившую переместиться ко мне, я остановила взглядом. Не время заступаться и поддерживать. Благодаря охоте в подземных чертогах и частично Инваго я обнаружила в себе залежи непробиваемого спокойствия и намерена была их использовать.

Брезгливость, презрение и искреннее недоумение отчетливо отразились на вытянувшихся лицах визитеров, а пик

крайнего недовольства обозначила всего одна приглушенно оброненная фраза:

– Грязь бесстыжая!

– Благодарю за оценку вашего сблища, – не оставила я брошенную реплику без внимания и улыбнулась уголками губ. – Итак, кого мне благодарить за вторжение в мои покои в мое первое утро в качестве полноправной супруги главы рода?

– Вот же... тварь... – раздалось невнятное из плотного строя охраны, а затем и более громкое: – Мне нужен Таллик Инваго Дори! Немедленно. Где он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.